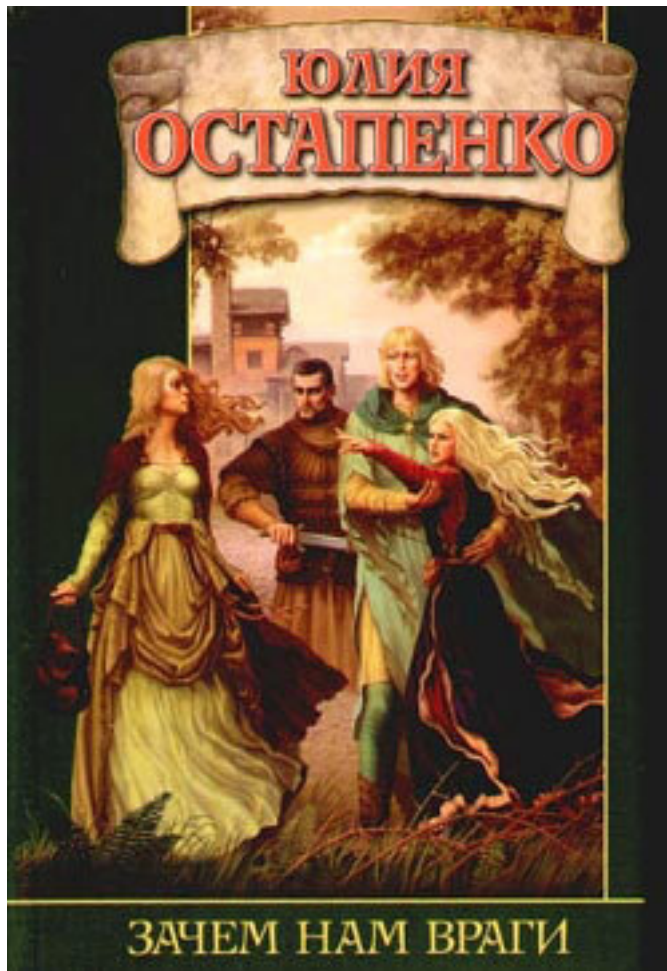

ЮЛИЯ
ОСТАПЕНКО

ЗАЧЕМ НАМ ВРАГИ

Юлия Остапенко
Зачем нам враги

«Автор»

2006

Остапенко Ю. В.

Зачем нам враги / Ю. В. Остапенко — «Автор», 2006

Узы любви сильны. Но узы вражды – много сильнее. Именно вражда порождает неразрывную связь между холодным, безжалостным эльфийским князем Глоринделем и его телохранителем – наемником Натаном, некогда любившими и утратившими одну и ту же женщину... Именно вражда заставляет прислужницу Эллен стать верной спутницей бежавшей из дома полубезумной принцессы Рослин, изучающей некромантию и мечтающей стать ученицей великих черных магов Тальварда. Однако есть на земле сила и больше вражды, и имя ей – судьба. И неспроста судьба снова и снова сводит вместе Глоринделя, Натана, Рослин и Эллен, все глубже погружающихся во тьму...

© Остапенко Ю. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Часть 1

Он ненормальный. Этот проклятый эльф – ненормальный, он чокнутый, у него мозги не в порядке. Натан твердил это про себя снова и снова, глядя, как дергается из стороны в сторону голова мальчишки. Эльф бил хладнокровно, размеренно, вполсилы, но голова мальчика моталась, будто держась на ниточке, и Натан вздрагивал при каждом новом ударе, словно били не конюха, а его самого.

Мальчишка тихонько ныл, шмыгая носом, но терпел. Натан тоже терпел, хоть это и было почти невыносимо.

Наконец Глориндель опустил руку, и мальчик привычно повернул голову, подставляясь для следующего удара. У Натана сжалось сердце. Эльф изогнул губы в усмешке. Его голос звучал лениво и почти добродушно.

– Довольно с тебя. Теперь встань на колени, поцелуй край моего плаща и поблагодари за науку.

Мальчишка, все еще шмыгая носом, выполнил приказ. Дрожащие руки, минуту назад не удержавшие предательски выскользнувший повод коня, уперлись в землю.

– Простите, добрый господин... Спасибо, добрый господин...

– Впредь будь порасторопнее, – ласково сказал Глориндель. Пронзительные синие глаза встретились с глазами Натана. Тот заставил себя не отвести взгляд. – А теперь в путь. Мы и так задержались.

Натан молча подвел коней – своего и эльфов, не желая снова доверить это нехитрое дело прислуге и стать свидетелем новой экзекуции, может, еще и за меньшую провинность. Эльф легко вскочил в седло, полы его плаща взметнулись над конским крупом. Простолюдины, выглянувшие из трактира понаблюдать за наказанием нерадивого конюха, почтительно помалкивали. На их лицах читалось плохо скрываемое любопытство. Должно быть, они жалели, что мальчишка всего лишь выпустил повод, а не наступил господину на ногу. В этой глуши развлечений мало, они бы с удовольствием полюбовались на порку. Ну что ж, не довелось. Натан скрипнул зубами. Он-то знал, что холоп, который осмелился бы наступить на ногу господину Глоринделю, не отделался бы публичной поркой. А ему, Натану, пришлось бы молча стоять рядом и смотреть. Как доводилось уже не раз за неделю их совместного путешествия. Всеблагое небеса, всего неделя... ему казалось, это чудовище находится под его опекой и защитой целую вечность. Вот только самого Натана опекать и защищать от него некому. Как и бедолаг, которым не посчастливилось оказаться на пути этого ненормального эльфа.

Натан увидел, что Глориндель уже выехал со двора, и, тряхнув головой, тронул пятками бока коня.

– Чудный денек, Натан, верно? – весело сказал эльф, когда они поравнялись. Денек и правда был чудным, весеннее солнце ярко освещало неширокий, но ровный, хорошо утоптаный тракт, а в зарослях, тянувшихся вдоль дороги, залиристо щебетали птицы. Вот только Натан не был сегодня настроен бездумно радоваться жизни. Поэтому он промолчал, зная, что в большинстве случаев эльфу не требуется ответ на подобного рода реплики.

Не на этот раз, однако, – выждав немного, Глориндель обернулся к спутнику. Он улыбался, но глаза предупреждающе сощурились.

– Что такое, друг мой? Ты чем-то недоволен?

Натана передегивало всякий раз, когда Глориндель называл его своим другом. Не потому, что он недолюбливал эльфов, а потому, что считаться другом этого сволочного отродья для него было бы тяжким оскорблением. Но у господина Глоринделя была манера так обращаться к своему слуге, ничего тут не поделаешь. Натан и без того перечил ему чаще, чем следовало бы, поэтому старался не задираться по мелочам.

– Вы могли бы быть посписходительнее к мальчишке, – угрюмо сказал он. – Одной оплеухи вполне хватило бы.

– В самом деле? – Эльф ослепительно улыбнулся, придержал коня. – Можешь вернуться и дать ему эту оплеуху. Я подожду.

Натан вздохнул.

– Вы спросили, чем я недоволен, – я ответил, – огрызнулся он. Эльф не нагнал его, и Натан обернулся. Конь Глоринделя нетерпеливо гарцевал посреди тракта там, где эльф остановил его.

– Я сказал, вернись и накажи конюха сообразно своим представлениям, – спокойно сказал Глориндель.

– Да хватит вам! – не выдержал Натан. – Что вы... как дитя малое!

– Натан, я не двинусь с места, пока ты не сделаешь, как я сказал.

Натан молча сцепил зубы. «Ох, снять бы с вас портки, господин эльф, да всыпать по первое число», – подумал он, а вслух, стараясь говорить ровно, сказал:

– В таком случае мы уж точно не прибудем в срок к вашей невесте, милорд, потому что я намерен ехать дальше, а вы как хотите.

И он двинулся вперед, не оборачиваясь. Его сердце сердито колотилось. Пробыв в обществе господина Глоринделя неделю, он все еще не понимал его и никогда не мог предсказать, как тот себя поведет. Одно Натан уяснил точно: этот недоносок делает только то, что хочет, всякий раз, как ему в голову взбредет. И образумить его невозможно, по крайней мере Натан, перепробовав все способы от уговоров до угроз, так ничего и не добился. Порку вот, правда, еще не пробовал... Но Натана приставили к эльфу, чтобы защищать его, если понадобится, а не избивать... хотя нужда в этом была явно больше, чем в защите.

Натан ехал, не оборачиваясь и держа спину прямой, но конской поступи за собой не слышал. «Почему я?» – в который раз мысленно вздохнул он, хотя знал ответ. Так уж сложилось, что он был доверенным лицом лорда Картера, и впервые Натану пришлось об этом пожалеть. Лорд Картер уже полгода выполнял роль посредника в переговорах между эльфами и Калардином. В последнее время силы Тальварда давили все сильнее, и было очевидно, что без подмоги Калардин очень скоро падет. А подмоги ждать неоткуда – соседние страны или уже были захвачены агрессивными тальвардами, или пока что придерживались нейтралитета, надеясь, что хищнический азарт небольшой в общем-то страны вскоре иссякнет. Оставались только эльфы, чьи владения граничили с Калардином, – хотя им-то опасаться нечего, тальвардам ни за что не потягаться с мощью эльфийских сил, и они это прекрасно понимают. Тем не менее лорд Картер от имени калардинского князя потратил семь месяцев на то, чтобы убедить эльфов вступить в войну. Никто не надеялся на успех, даже сам милорд, но эльфы, полгода игнорировавшие воззвания и посулы калардинского посла, вдруг уступили и выдвинули одно-единственное условие: женитьба эльфийского аристократа на калардинской княжне. При этом их, похоже, вовсе не смущал тот факт, что ей едва исполнилось одиннадцать лет. Ход был вполне просчитываемый – таким образом эльфы собирались в скором будущем прибрать Калардин к рукам, ведь всем известна живучесть эльфийской крови, способной менять все, с чем бы она ни смешалась. Всего несколько поколений – и Калардинское княжество исчезнет с лица земли, став частью медленно, бескровно, но неумолимо разрастающихся владений эльфов. Ключевым словом тут стало «бескровно» – было очевидно, что в случае отказа Калардин будет уничтожен гораздо раньше, жестоко и кроваво. Князь сдался. Натан не одобрял такого решения, но его никто не спрашивал. Просто лорд Картер вызвал его и поставил перед фактом: именно Натан и никто иной должен сопровождать эльфийского аристократа в столицу, на другой край княжества. Натан сопровождал, проклиная все на свете. Если все эльфы таковы, то, право, лично он предпочел бы тальвардов.

Время, однако же, шло, а Глоринделя было не видать. Натан уже начал отчаиваться и решил вернуться, когда услышал топот копыт – и почти разозлился на себя за облегчение, которое почувствовал, когда эльф, поравнявшись с ним, хитро подмигнул и прицокнул языком. Прядь волос, выбившаяся из-под капюшона, под которым он скрывал удлиненные эльфийские уши, хлестнула его по щеке.

– Упрямый ты, – удовлетворенно проговорил он. – Люблю упрямых! Я сам такой. А ну, наперегонки!

И прежде чем Натан успел сказать хоть слово, эльф исчез в клубе пыли.

– Щенок, – вполголоса проговорил Натан, прищипывая коня. Интересно, сколько ему лет-то, этому недоумку? Эльфы живут гораздо дольше людей и дольше сохраняют молодость – по виду Глоринделю можно было дать лет двадцать, не больше, но вел он себя чаще как десятилетний, с детской беспечностью и бездумной жестокостью. «А может, ему при этом все шестьдесят», – с тоской подумал Натан, нагоняя эльфа. Это оказалось нетрудно – конь у Натана был здоровее и резвее. Он сперва удивился, что в замке лорда Картера его, слугу, снарядили лучше господина, которого полагалось сопровождать, но быстро понял, что к чему. Должно быть, лорда Картера предупредили, что у эльфа с головой не в порядке. Если бы они еще и оружия ему не дали, совсем было бы славно...

– Что ж вы!.. – крикнул Натан, когда они снова поравнялись. – Стойте, милорд! Нельзя так! Нас увидят!

– Нас и так уже видели предостаточно, – небрежно сказал Глориндель, но коня придержал.

– Вы же знаете, мы должны привлекать как можно меньше внимания. Если ваше происхождение обнаружится, будут неприятности...

– Как ты меня утомил своей трусостью, – вздохнул эльф.

Натан промолчал. Трусость – не трусость, но один он вряд ли сможет защитить своего подопечного от разъяренной толпы. У плана лорда Картера имелось множество противников, и кое-кто из них не побрезгует убийством, лишь бы не допустить эльфов в Калардин. В глубине души Натан полагал, что в этом не было бы ничего плохого. Но он обязался выполнить свой долг: ему велели довести Глоринделя к невесте в целостности и сохранности – что ж, он постарается это сделать. Хотя на душе у него было бы спокойнее, если бы эта задача лежала не только на его плечах... Но лорд Картер сказал, что даже небольшой отряд будет привлекать внимание, а у двоих путников больше шансов остаться незамеченными. Только вряд ли это им удастся, если эльф и дальше будет так себя вести. Натан пытался втолковать ему это уже неделю – безрезультатно.

– А вы, милорд, жить хотите? – устало спросил он. Тот вместо ответа засвистел песенку, которую услышал в одном из последних трактиров, где они останавливались, – мотивчик был милый, но привязчивый и успел надоест Натану до оскомины. Но он по обыкновению смолчал, радуясь уже тому, что эльф хоть немного угомонился.

Они ехали без приключений почти до вечера, привычно выбирая малолюдные боковые дороги – правда, путь это удлиняло едва ли не вдвое, что поначалу эльфа страшно раздражало. Но это тоже был приказ лорда Картера: уменьшить риск всеми средствами. Вот и перебирались заброшенными трактами, через леса, холмы и перевалы.

Дорога, неожиданно окончившаяся распутием, казалась совсем забытой. Колеи были местами заросшими, местами – едва видимыми. Поэтому когда тракт вывел к перекрестку, посреди которого громоздился огромный камень, всадники невольно придержали коней.

Все три дороги, разбегавшиеся в разные стороны света, были узкими и заросшими – только на правой, уходящей к западу, виднелась свежая колея.

– Нам на юг? – спросил эльф, и Натан кивнул, разглядывая камень. Передняя часть оказалась ссечена, и на ней, кажется, были выбиты какие-то письмена. Обычное дело для этих

мест – чуть ли не каждый перекресток увенчивала этакая громадина, невесть как сюда попавшая, и почти на всех были надписи, до того истершиеся от времени и непогоды, что прочесть их не представлялось возможным – а если и да, то языки, на которых надписи были сделаны, никто уже не помнил. Но этот камень чем-то притягивал взгляд. Натан даже подумал было посмотреть, что там написано, потом отмахнулся от этой мысли, но тут эльф тоже заметил камень и заинтересовался.

– Там что-то написано? Гляди-ка!

– Милорд, нам ехать надо, – начал Натан, но эльф уже подъехал к камню и, наклонившись, смахнул с надписи прилипшую листву.

– Мхом поросло... но разобрать можно... – пробормотал Глориндель. Натан медленно подъехал к нему, присмотрелся. Камень был испещрен какими-то значками, кривыми и совершенно непонятными.

– Не прочесть, – сказал он. – Едемте уже, милорд...

– Ну да, тебе, дубине, не прочесть. Это древнее руническое письмо. Вы, люди, его и читать-то никогда не умели. – Глориндель вынул из ножен тонкий кинжал, бывший его единственным оружием, и, по-прежнему не спешиваясь, счистил выросший на камне мох. Натан ждал, время от времени оглядываясь. Место казалось спокойным, но что-то ему здесь не нравилось.

– Ну вот... – Эльф, удовлетворенный результатом, очистил лезвие и спрятал кинжал. – Теперь другое дело.

– И что там написано? – нетерпеливо спросил Натан.

– «Сей камень поставлен здесь Иодосом из Логго, дабы оградить тебя, путник, от ложного шага. Решай здесь и сейчас, что тебе дорого: жизнь твоя, ибо ее ты лишишься, пойдя по правой дороге; конь твой, ибо его ты лишишься, пройдя по левой дороге; друг твой, ибо его ты лишишься, если поедешь прямо. Прими сие предупреждение с мудростью и осторожностью, и да хранят тебя всеблагие небеса».

Эльф не читал, а декламировал – громко, важно и очень пафосно. Натан морщился, но дослушал до конца.

– Ясно, обычный путевой камень, – сказал он. – Триста лет назад слева жили конокрады, прямо был бордель, а справа и теперь, возможно, топь или обрыв. Едемте...

– Нам ведь прямо? – задумчиво проговорил эльф, выпрямляясь.

– Прямо, прямо.

– Ну что ж, тогда в любом случае нам ничего не грозит, – бросил он и посмотрел на Натана. – Ни у меня, ни у тебя при себе друга нет, терять нечего, так?

Он подмигнул и двинулся вперед, но в его осанке Натану вдруг почудилось напряжение. Странно. Впрочем, одно верно – даже если предположить, что предупреждение на камне действует до сих пор, терять и правда нечего.

К тому же им все равно надо было ехать на юг.

Постоялый двор встретился на их пути, когда уже почти стемнело, и Натан подумывал, что придется ночевать в лесу у дороги. Но тракт неожиданно сделал крутой поворот, за которым из сиреневых сумерек вынырнул покачивающийся фонарь. Под фонарем оказалась открытая дверь, из которой лился приглушенный свет. Натан вздохнул с облегчением. В этом путешествии он старался избегать ночевки под открытым небом.

– Повезло, – заметил он, направляя коня к трактиру.

– Повезло? – Эльф скорчил гримасу. – Друг мой, это же какая-то развалюха. Не хочу я здесь ночевать.

– А в лесу с волками хотите? – бросил Натан через плечо и спрыгнул на землю. – Эй, хозяин! Кто там!

С улицы был виден зал – полутемный и совсем пустой. Трактирщик, полный и грузный, почти как все его собраты по ремеслу, выкатился навстречу дорогим гостям. При виде Натана его лицо приняло раболепное выражение, при виде надменно взиравшего с коня эльфа он поклонился до земли.

– Что угодно добрым господам?

– Харч и кров, все самое лучшее, – коротко сказал Натан и украдкой бросил на Глоринделя предупреждающий взгляд. Эльф, все еще верхом, оглядывал подворье, презрительно поджав губы.

– Поедем дальше, – капризно потребовал он. – Может, что получше сыщется.

– На двадцать миль вокруг никого нет, добрый господин, как пить дать, – тут же вставил трактирщик.

Холодный взгляд мгновенно пригвоздил его к месту.

– А я тебя не спрашивал, холоп, – сказал Глориндель. Его конь всхрапнул и мотнул мордой.

– Лошадей бы напоить, – спокойно сказал Натан. – Займись, – и бросил повод трактирщику, который тут же препоручил его подбежавшему конюху.

Натан вошел в постоялый двор, не оборачиваясь, но спиной чувствуя тяжелый взгляд эльфа. Ничего, ему не вредно немного пыл померить. Да и все равно двигаться сейчас дальше было бы глупостью. Места глухие, наверняка беспокойно...

– Если ты еще раз так сделаешь, я тебя убью, – ровно сказал Глориндель, когда они сели за стол в углу зала – прежде эльфа все тянуло на середину, но Натан, кажется, приучил его хотя бы в этом не высовываться.

– Убивайте. Я умру с осознанием выполненного долга, а дальше добирайтесь до столицы как знаете. – Пристальный взгляд эльфа раздражал, и Натан, обернувшись, коротко бросил: – Капюшон получше натяните. Ни к чему лишние вопросы.

И тут же пожалел об этом, потому что эльф, фыркнув, решительно откинул опостылевший капюшон и вызывающе тряхнул золотистыми волосами. Они были слишком коротки для эльфа, не доставая даже до плеч, но уши все же прикрывали. Правда, не слишком надежно.

– Может, мне вас самому зарезать, а? – бессильно прошипел Натан, на что Глориндель лишь усмехнулся.

– Успокойся, друг мой. Сам видишь: тут никого, кроме этого холопа. Он небось только от бабки своей в сказках слышал про эльфов.

Разумеется, именно в этот момент подошла служанка, и ее молодое чуткое ухо не могло не уловить отголоска последней фразы. Простоватое лицо тут же приобрело выражение сосредоточенности, а хитрые глазенки устремились на не по-человечески красивое лицо Глоринделя.

– Добрые господа...

– Добрые господа вина желают, – резко перебил Натан, вынудив служанку испуганно вскинуться и перебросить не в меру любопытный взгляд на говорящего. – И говядины почище. Немедля.

– Слушаюсь. – Девчонка быстро поклонилась, снова метнула взгляд на эльфа, лениво вычищавшего кинжалом грязь из-под ногтей, и убежала. Натан медленно повернулся.

– Если вы сейчас же не поднимете капюшон, я сделаю это за вас, – проговорил он.

Глориндель бросил на него насмешливый взгляд.

– Что ты так волнуешься, друг мой? Все путевой камень покоя не дает?

Натан так удивился, что даже перестал злиться.

– При чем тут путевой камень?

– А при том, что с тех пор, как мы его минули, ты меня уже вконец достал своим нытьем, – резко ответил эльф, откладывая кинжал. – Что ты перетрусил-то так? И правда, что ли, боишься со мной подружиться?

– О чем вы? – Натан уже вообще ничего не понимал. У эльфа, конечно, мозги набекрень, но до сих пор откровенного бреда он вроде не нес...

– Да ну, не прикидывайся, я знаю, о чем ты думаешь битый час.

– И о чем же?

– О том, что на камне написано было. Если каждому из нас суждено потерять на этой дороге друга – мы его потеряем. А поскольку мы с тобой не друзья, значит, успеем ими стать, прежде чем кого-то из нас порешат.

– Не думал я ни о чем таком, – потрясенно и совершенно честно ответил Натан. А эльф, выходит, думал... вот тебе на... – Да и путевые камни часто врут...

– Камни, может, и врут, – голос эльфа снова стал резким, – а руническое письмо – никогда. На нем невозможно изречь ложь.

Натан смотрел на него то ли с изумлением, то ли с жалостью – он сам не мог понять, что его переполняло. Надо же, парень и правда принял чью-то старую шутку за перст судьбы... и, похоже, размышлял об этом все время, пока они ехали от камня. Кто бы мог подумать, что он такой впечатлительный.

– С чего вы решили, что нас порешат? – Натан хотел спросить совсем не это, но на вопрос, вертевшийся у него на языке, могла последовать совсем уж непредсказуемая реакция.

– Одного из нас, – поправил Глориндель. – Так что оставшийся лишится друга. И тот, кто умрет, тоже лишится – вместе с жизнью.

– В таком случае, – серьезно проговорил Натан, – единственное, что мы можем сделать, – это ни в коем случае не становиться друзьями.

Глориндель метнул в него быстрый взгляд, явно проверяя, не смеется ли над ним Натан. Тот и правда смеялся, но надеялся, что эльф этого не заметит. Правда, от следующего вопроса смеяться ему разом расхотелось.

– Натан, а у тебя вообще есть друзья?

От необходимости отвечать Натана избавила все та же девочка-служанка, выскочившая, будто шут из табакерки, и со стуком водрузившая на стол бутылку вина и блюдо с мясом. Ее взгляд, обращенный на эльфа, был таким же испытующе-любопытным. Тот наконец почувствовал его и вскинул глаза. Девчонка разом спала с лица.

– Это что? – Голос эльфа был низким и сипящим, и Натан испугался. Он еще не понял, что прогневило его спутника, но ничего хорошего ждать явно не приходилось. Глориндель не сводил со служанки убийственного взгляда, и та, мигом утратив былой задор, промямлила:

– Г-говядинка... в-ваша милость...

– И что же, по-твоему, мы как свиньи должны жрать ее с одной тарелки?

– Я... сейчас...

– Молчать, дрянь!

Натан перебрасывал обеспокоенный взгляд с окаменевшего лица Глоринделя на покрывшееся пятнами личико служанки. А он ведь и выпороть ее может собственноручно, с него станется. Хоть бы только не пришиб... В самом начале их путешествия он едва ли не до смерти запарол хлыстом пьяного мужика, которого угораздило проблеваться ему под ноги.

– Прошу прощения, добрые господа. – Подоспевший трактирщик уже раскланивался, отпихивая служанку обширным задом. – Сию минуту исправим...

Глориндель повернулся к Натану – так резко, что тот невольно вздрогнул, почти ожидая, что на него обрушится весь гнев, вызванный глупой девчонкой. Чаще всего Натан мог безнаказанно дерзить своему подопечному, а порой и ненавязчиво понукать им, но в такие минуты, как эта, попадать ему под горячую руку не хотелось...

– Я спросил, – чеканя слова, проговорил Глориндель, – есть ли у тебя друзья.

Сильные хищные пальцы сжимали и разжимали рукоять кинжала, и этот неосознанный жест не сулил ничего хорошего. Натану уже приходилось видеть, как эльф убивает, и не хотелось наблюдать это снова. А уж тем более – испытать на собственной шкуре.

«Почему я?» – в тысячный раз подумал он, а вслух сказал:

– Нет. Теперь нет.

– Почему теперь?

Взгляд эльфа не менялся, и Натан счел безопаснее продолжать:

– У меня был... один друг. Больше его нет.

– Он умер?

– Да.

– Как и когда?

Трактирщик, не переставая кланяться, осторожно подsunул вторую тарелку. Глориндель, кажется, даже не заметил этого.

– Ну?

– Два года назад. Его... повесили.

– Вот как? Любопытно. Кто? За что?

Натан сглотнул, отвел взгляд. Проклятие, мог ли он подумать, что придется о таком говорить... снова... и с кем ...

– Лорд Картер. За... разбой.

– Твой господин повесил твоего лучшего друга? И ты продолжил служить ему?

– Я присягал на верность. К тому же... казнь была справедливой.

– Что ж, я рад, что в провожатые мне дали такого преданного слугу, – вполголоса сказал эльф и улыбнулся одной из самых очаровательных своих улыбок – чистой и ясной, почти детской. – Ну, выпьем, что ли? В горле пересохло.

Натан молча разлил вино. Как всегда, он помрачнел после вынужденного упоминания о так и не зажившей ране, а эльф, казалось, уже через минуту забыл, о чем они говорили. Вино ему, как ни странно, понравилось, и он громко удивился тому, что в этом убогом клоповнике, где прислуживают одни недоумки, нашлось хоть что-то пристойное. Хозяин, услышав похвалу, снова стал раскланиваться. Натан невольно подивился гибкости его заплывшей жиром спины. Потом эльф принялся за солонину, которую также признал удовлетворительной. Как всегда, он повеселел резко и беспричинно, а доев, даже принялся что-то напевать – как понял через мгновение Натан, все тот же прилипчивый мотив.

Трактирщик, видимо, сочтя настроение гостя благодушным, подошел, все так же кланяясь, и сообщил, что, если угодно, комнаты готовы.

– Отлично! – сказал Глориндель и широко зевнул. – Вымотался я что-то за день.

Натан успел вздохнуть про себя с облегчением – еще один день закончился без особых происшествий, – когда от дверей донеслось конское ржание и окрик. Трактирщик мгновенно ринулся к выходу.

– Людно тут, – заметил Глориндель и снова зевнул. – А не скажешь... глушь такая... пошли?

– Пошли, – обрадовался Натан, вовсе не желая, чтобы новые постояльцы оказались людьми, знающими эльфов не только по старым сказкам.

Но радость его была преждевременной. Уже поднимавшийся было Глориндель вдруг застыл, неотрывно глядя на дверь. Еще не обернувшись, Натан знал, кто вошел в нее: конечно же, баба, красивая, как эльфийка. За прошедшую неделю эльф домогался не менее десятка красоток разной степени свежести, всем им делая один и тот же подозрительный комплимент – подозрительный, потому что большинство женщин никогда не видели эльфиек, с которыми их сравнивали. Натан каждый раз умолял Глоринделя быть осторожнее – не только потому, что в

разгар любовных игр эльфу было не до того, чтобы прятать предательски нечеловеческие уши, но и потому, что девицы могли быть замужем. Пока им, правда, везло – ни одна из соблазненных Глоринделем красоток на наличие досадного обстоятельства в виде супруга не жаловалась.

А теперь везти, кажется, перестало.

Впрочем, девица и правда была хороша – статная, белокожая, с буйной гривой рыжих кудрей. Натан сомневался, что среди эльфов попадаются рыжие, но это не помешало Глоринделю уже через минуту сообщить девице, что она прекрасна, как эльфийка. Это заявление, похоже, несколько покорило ее мужа – коренастого мужчину средних лет, с виду человека замкнутого и нелюбезного. Оба выглядели и держались как средней руки купцы, и внимание благородного господина им явно польстило – по крайней мере рыжей прелестнице, немедленно зардевшейся от комплимента и от того немного подурневшей.

Тщетно Натан посылал подопечному умоляющие, предупреждающие и угрожающие взгляды – Глориндель немедленно потребовал самого лучшего вина, подсел к столу, за которым устроилась купеческая чета, и принялся мило и непринужденно болтать. Мужчина сидел молча, набычившись, но не смея послать непрошеного собеседника подальше. Его жена млела и хлопала черными ресницами, то и дело выразительно потряхивая рыжими кудрями, а эльф заливался соловьем, уже через четверть часа обнаглев настолько, что его рука скользнула по женскому бедру. Купец, кажется, со своего места ничего не заметил, но Натану, одиноко сидевшему в стороне, все было превосходно видно. Он угрюмо потягивал вино, наблюдая за тройкой с чувством приводящей в ярость беспомощности. Будь Глориндель ниже его рангом, он бы, извинившись перед купеческой парой, вытолкал щенка вшаей, а после всыпал по первое число, однако эльф был не только его подопечным, но и господином. А господин всегда прав... даже если по нему розга плачет.

– А что, сударыня, – заискивающе взглядываясь в снова покрасневшееся, теперь уже от вина, лицо рыжей красотки, медово пропел эльф, – не проезжали ли вы перекресток с путевым камнем?

– Камнем? – Красотка захлопала осоловелыми глазками, повернулась к мужу, глуповато улыбаясь: – Дорогой, не проезжали ли мы перекресток с путевым камнем?

– Проезжали. Днем еще, – мрачно ответил купец. Натан обратил внимание, что он выпил заметно больше воркующей парочки. Не раз и не два его явно подмывало вмазать этому проклятому аристократу по смазливой роже, но духу явно не хватало, к тому же присутствие Натана его, похоже, смущало.

– А знаете, что там написано? – радостно спросил эльф.

Купчиха на миг запнулась.

– Мы... не смотрели...

– И очень зря! Вас ведь предупреждали.

– О чем?.. – вскинулась купчиха; таинственно приглушенный голос Глоринделя, похоже, ее испугал.

– О том, чего вы лишитесь... Пойдя по правой дороге – жизни, пойдя по левой дороге – коня, пойдя прямо – друга... Я вот пошел прямо. А вы... сударыня... вы как пошли?

Рыжая прелестница, прекрасная, как эльфийка, сонно моргнула и, повернувшись к окончательно утонувшему носом в кружке мужу, удивленно спросила:

– Дорогой, а мы как пошли?

Глориндель захохотал. Натан вздрогнул – он всегда вздрагивал от смеха эльфа, резкого, звонкого и злобного. Этот недоносок умел улыбаться и как демон, и как безумный, и как невинное дитя, но смех у него был всегда одинаков.

– Милая моя, вы не только красивы, как эльфийка, вы еще и умны, как эльфийка!

– Правда? – порозовела купчиха и икнула.

– Истинная. Поэтому я и женюсь не на эльфийке, а на человеческой дочери.

Муж рыжеволосой вскинул голову, и в его затуманенных глазах, обращенных на эльфа, блеснули слабые искры. Глориндель, казалось, ничего не заметил и, взяв женщину под локоть, наклонился к ее пылающему лицу совсем близко.

– Дщери человеческие славны, помимо острого разума, еще и жарким лоном... и мне хочется верить, что хотя бы в этом вы не похожи на эльфийку, милочка.

«Проклятие!» – мысленно выругался Натан, а рыжеволосая дочь человеческая, окончательно потеряв голову, с упоением пробормотала что-то вроде: «Да, несомненно...» Изыщные губы эльфа ткнулись в рыжие волосы женщины, зашептали; та разом съежилась и захихикала, блаженно жмурясь и напрочь игнорируя тяжелый взгляд мужа, неотрывно смотревшего на них. Неизвестно, как долго он еще выдержал бы это возмутительное зрелище, но тут эльф потянул женщину вверх и поднялся сам. Его рука легла на ее крепкую талию, и он повлек ее к лестнице, ведущей наверх, продолжая шептать что-то в рыжие локоны.

Купец смотрел на них, не трогаясь с места, и его глаза медленно наливались кровью, а пальцы так же медленно сжимали рукоятку ножа, которым он перед тем резал окорок.

Натан впервые за все время путешествия положил ладонь на рукоятку меча.

Купец был труслив, неуклюж и пьян, поэтому еще только успел выбраться из-за стола, теребя нож в кулаке, а Натан уже стоял рядом, крепко стискивая его плечо и приставив острие меча к его ребрам. Парочка поднималась по лестнице. Трактирщик и служанка, наблюдавшие за всей сценой из-за стойки, попятнулись в тень.

– Брось нож, – очень тихо сказал Натан.

Дрожащие пальцы разжались, нож выскользнул из потной ладони, с оглушительным в наступившей тишине стуком упал на пол.

Глориндель обернулся.

Натан видел, как они встретились глазами – бесстыжий соблазнитель и чудовищно униженный муж. Прекрасные глаза эльфа медленно сощурились, по губам зазмеилась улыбка. Он хозяйским жестом прижал к себе сомлевшую от вина и счастья женщину. Купец тихо, протяжно взвыл и рванулся вперед. Натан еле успел отдернуть лезвие – напоролся бы, дурень, непременно – и перехватить мужчину левой рукой за шею. Служанка ахнула, трактирщик шикнул на нее. Несильный толчок отбросил купца назад на скамью, но он тут же вскочил, похоже, протрезвев от ярости, и снова слепо бросился вперед, рыча:

– Мразь! Гнида! Порешу!

Глориндель снова улыбнулся. Его взгляд нашел взгляд Натана.

– Убей его, – сказал эльф и вместе с женщиной скрылся во тьме второго этажа.

Натан толкнул купца, и тот снова упал, но уже не поднялся. Только сидел, глядя на Натана снизу вверх с ненавистью и ужасом.

– Добрый господин... – Бормотание трактирщика за спиной вывело Натана из ступора, в который его вверг приказ Глоринделя. – Простите, добрый господин, но разбой ведь... не извольте... в этих стенах... невинной кровью марать... на окраину бы, там и...

– Так что, ты предлагаешь мне убить этого человека вне стен твоей халупы? – обернувшись, резко сказал Натан. Трактирщик лишь продолжал кланяться – туда-сюда, вверх-вниз, раскачиваясь, как болванчик. Натана замутило. Он снова повернулся к купцу. Тот по-прежнему смотрел на него со скамьи, и в мутном взгляде теперь был только ужас, без ненависти.

– Помилуйте... – прохрипел он, содрогаясь, и ткнулся лицом в сгиб локтя. Натану стало горько и противно. Он спрятал меч в ножны.

– Ложись спать. Утром уезжайте и никогда не говорите о том, что произошло.

Купец, дрожа, поднял голову.

– Не убьете? – сипло спросил он.

– Не убью, – неприязненно ответил Натан. И подумал: а должен бы. Обязан. Это мой долг: подняться наверх и убить этого ублюдочного сопляка, проткнуть его насквозь прямо в момент извержения, чтоб не марал белый свет своим поганым взглядом...

Но он не мог, потому что присягнул лорду Картеру и обещал служить господину Глоринделю, как служил бы своему сюзерену. Хотя его сюзерен никогда не опустил бы до такого... убожества.

– Спать, – жестко повторил Натан.

Ночью он не сомкнул глаз. Мешали уснуть сперва стоны и скрип кровати за стеной, потом – камень на душе и неистовое желание задушить мерзавца. Под утро Натан забылся коротким беспокойным сном, вскинувшись с первыми петухами. За стеной было тихо. На миг он испугался, что купец пробрался в комнату и убил любовников спящими, и проклял себя за непредусмотрительность, но, сбежав вниз, увидел Глоринделя мирно сидящим за столом в углу. Он казался выспавшимся, но недовольным.

– Где они? – резко спросил Натан, подходя.

Эльф поднял на него хмурый взгляд.

– Кто?

– Вы еще спрашиваете?! Купец с женой!

– Уехали, – ответил подоспевший трактирщик. В его круглом лице читалось облегчение от того, что все так мирно закончилось. – Затемно еще уехали.

Натан вспомнил глаза купца – сперва пустые и пьяные, потом – налившиеся кровью, потом – полные мольбы и ужаса, и подумал: интересно, что он с ней сделает. По меньшей мере изобьет. Что ж, и по заслугам. Он бы на месте купца не пережил такого позора. Впрочем, Натану подобная участь так или иначе не грозила.

– Вставайте, – бросил он.

– Я еще не позавтракал, – вяло засопровтивлялся эльф, но Натан глянул на него так, что он примолк. Несмотря на недоброе расположение духа, похоже, спорить с Натаном ему сейчас не хотелось. В другое время Натан воспринял бы это как небольшую победу – но сейчас он был слишком зол.

– В седле потрапезничаете, – процедил он и размашистым шагом вышел вон.

– Кстати, я вроде бы велел тебе убить это ничтожество, – неохотно проговорил эльф, когда они седлали коней.

– Вам мало того зла, что вы уже причинили этой семье? – не выдержал Натан.

– Зла? – Эльф рассмеялся все так же звонко. – Да эта дура до конца своих дней будет меня вспоминать как лучшее, что было в ее никчемной жизни!

– Надеюсь, вы по крайней мере довольны.

– Доволен? – Глориндель вздохнул и вскочил в седло. – Увы, друг мой, она красива, как эльфийка, глупа, как эльфийка, и, как у истинной эльфийки, у нее меж ног форель.

Натан обернулся, молча посмотрел Глоринделю в глаза и без удовольствия увидел, как улыбка сползает его губ.

– Если вы еще раз назовете меня своим другом, добирайтесь до столицы сами, – тихо проговорил он и галопом вылетел из конюшни, со двора, прочь от трактира.

– Натан, сколько тебе лет?

Это было первое, что сказал Глориндель за целый день – с тех пор как они выехали с постоялого двора, при одной мысли о котором у Натана сосало под ложечкой. Ехали бок о бок, но не перемолвились и словом – Натан мрачно молчал, эльф тоже не изъявлял стремления пообщаться, даже не насвистывал и вообще с самого утра не выкинул ни единой глупости. Натана это скорее беспокоило, чем радовало. Вопрос эльфа тем не менее оказался таким неожиданным, что Натан ответил:

– Тридцать восемь.

– Немолод уже... да? – В голосе эльфа слышалась легкая, почти дружелюбная насмешка. Натан смолчал. – Немолод, и не слишком хорош собой, и не слишком богат... твой Картер скряга, каких мало.

– С чего вы взяли? – вспыхнул Натан – последнее замечание отчего-то задело его сильнее других.

– Да ты посмотри хоть, как он нас снарядил. А между тем, если ты не забыл, от меня зависит судьба всей вашей страны.

– Это вы об этом постоянно забываете, – мрачно сказал Натан.

Эльф безмятежно улыбнулся.

– А мне с этого проку немного. Конечно, я стану родоначальником новой княжеской династии в Калардине... но маловато чести для эльфа моего происхождения мешать свою кровь с человеческим отродьем. Не обижайся.

Натан не ответил. Разумеется, он не обижался – если воспринимать всерьез все, что говорит и делает этот щенок, одному из них не жить... хотя порой очень трудно было не воспринимать это всерьез.

– Но мы говорили о тебе, – как ни в чем не бывало продолжал Глориндель. – Ты не очень молод, не очень красив, не очень богат и не очень умен. У тебя всего-то и есть, что нищенское жалованье и сомнительные привилегии от твоего лорда. Из всего этого могу заключить, что с женщинами тебе никогда особо не везло.

Натан вздрогнул и обернулся. Эльф смотрел ему в глаза, мягко улыбаясь.

– Это не ваше дело, – немного нервно бросил Натан. – Вообще к чему вы это сказали?

– Пытаюсь понять твое вчерашнее поведение в трактире.

– *Мое* поведение?! Это вы себя вели, как... как...

– Как кто? – улыбаясь, спросил эльф. Натан сплюнул в сердцах. Эльф улыбнулся шире. – Ты просто завидуешь.

– Я?! Кому? Вам?!

– Ну-ну, что ты так разволновался? По-твоему, я недостойн зависти? У меня великолепное прошлое и блестящее будущее, а у тебя нет ни того, ни другого. Женщины за версту чуют таких неудачников, как ты, и обходят их десятой дорогой. Ну признайся, если бы та рыженькая запала на тебя, а не на меня, – ты бы устоял?

– При чем здесь... – У Натана перехватило дух от возмущения, и ему пришлось сделать паузу, чтобы вернуть голосу твердость. – Вы унизили ее мужа. Чудовищно унизили. Публично. Безо всяких на то оснований.

– А что ему мешало убить меня на месте, а благоверную за волосы оттащить? Ты? – В голосе эльфа скользнуло презрение. – Ты старый вояка, Натан, я верю в силу твоей руки, но оскорбленная честь и не против такого пойдет. А там и чести-то не больше, чем жару в женском лоне...

– Замолчите. – Натан произвольно стиснул повод коня. – Не могу слушать, как вы... разглагольствуете о том, что сделали.

– С таким невыносимым цинизмом, да? – протянул эльф и засмеялся. – Ты слишком неуверен в себе, друг мой. Если бы тебе случалось попадать в подобные ситуации, ты смотрел бы на жизнь проще.

– Боги меня от этого миловали, – резко сказал Натан. – И я вас, кажется, предупреждал, что если вы еще раз назовете меня своим другом...

– Дружьями тебя судьба тоже не баловала, верно? Может, тот один только и был... Друзей заводят так же, как и женщин, – для этого надо обладать определенным обаянием. Расскажи мне про него, Нат. Про своего друга. Он был...

– Идите вы!.. – вырвалось у Натана. Эльф взметнул на него недоуменный, почти обиженный взгляд, и Натан быстро добавил – не жестко, как намеревался, а поспешно, стремясь загладить вырвавшуюся грубость: – Я не хочу говорить об этом. Тем более с вами.

– Что же ты так болезненно все воспринимаешь? – беззлобно сказал Глориндель, оставив без внимания вопиющую неучтивость своего сопровождающего. – О чем с тобой ни заговори – что о женщинах, что о друзьях... – Его синие глаза вдруг коротко блеснули, и он воскликнул: – Постой, тот твой друг... он был женщиной?!

Натан с досады ударил коня пятками в бока, мгновенно вырвавшись вперед. Немыслимое дело – он чувствовал, что краснеет. Проклятие, неужели он в самом деле так прост? Или этот сволочный эльф уж слишком проницателен...

Глориндель что-то крикнул ему, но Натан не сбавил скорости – меньше всего на свете ему хотелось выслушивать последующие догадки эльфа, которых у того, судя по всему, имелось предостаточно. Он весь пылал от стыда и возмущения, поэтому когда конь на полном скаку запнулся и небо рванулось вверх, а усыпанная прошлогодней листвой земля понеслась навстречу, почувствовал лишь изумление. Потом был удар, от которого у Натана помутилось в голове – окружающие деревья смазались и пошли пятнами. Натан попробовал пошевелиться и поднес руку к голове. На лбу была кровь – похоже, он расшиб бровь при падении.

Где-то, как ему показалось, очень далеко истерично заржали лошади. Натан моргнул, перевернулся, сел, попытался подняться и наткнулся ладонью на шершавую, туго натянутую веревку – ту самую, как он понял мгновением позже, о которую споткнулся его конь.

Проклятие, разбойники.

Натан вскинулся, хватаясь за меч. Они уже были здесь – он видел шестерых, стоявших полукругом чуть впереди. В центре этого полукруга брыкался и вставал на дыбы конь Глоринделя – один из разбойников тянул на себя его повод, еще один отводил в сторону лошадь Натана. Эльф крепко держался в седле, сжимая в руке кинжал. Натан выругался про себя. А приходилось ли этому молокососу участвовать в настоящей драке? Ох, вряд ли...

Но драка тут была в любом случае бессмысленна – Натан понял это, поднявшись и обернувшись. За его спиной стояли еще несколько человек – в общей сложности разбойников было не меньше десятка. Он убил бы, возможно, четверых или пятерых, прежде чем один из них добрался бы до его глотки, но эльфа прикончат гораздо раньше.

– Тише-тише, добрые господа, – проговорил самый рослый из бандитов, видимо, главарь. Он стоял в общем круге, заткнув большие пальцы рук за пояс и, видимо, чувствуя себя хозяином положения – увы, небезосновательно. – Не надо железом махать. Мы всего лишь хотим поинтересоваться содержимым ваших кошельков, ну и одолжить ваших чудных коней, а так ступайте с миром.

– Руки прочь, холоп! – в ярости бросил Глориндель бандиту, попытавшемуся стащить его с коня, и ударил наотмашь – умело, сильно. Бандит увернулся, юркнул под брюхо коня, в тот же миг двое подоспели с другой стороны. Эльф поднял коня на дыбы, снова вскинул кинжал.

– Прекратите! – крикнул Натан, перекрывая испуганное конское ржание. – Это бессмысленно! Лучше сдаться.

– Весьма здраво, – похвалил главарь, не трогаясь с места. Выговор у него был внятный, правильный, как у знатного горожанина, только в тоне звучала самоуверенная хамовитость. – А вы, благоразумный господин, сами-то железку бросьте.

Натан молча кинул меч на землю. Эльф, и без того бледный, стал белее мела.

– Мразь! – крикнул он и замахнулся снова, но его схватили за ноги и стащили на землю. Натан, скрестив руки на груди, хмуро наблюдал за происходящим. Один из разбойников, подкравшись, подхватил с земли его меч. Другой в это время быстро и ловко обыскал Натана, срезал его кошелек и отступил.

– Берите пример со своего спутника, сударь, – миролюбиво сказал главарь Глоринделю, вырывающемуся и сыплющему проклятиями – слава богам, не эльфийскими. – Он ведет себя разумно, потому останется невредим. Вас же мне отчаянно хочется убить.

«Как я тебя понимаю», – подумал Натан и вдруг улыбнулся. Это было ужасно нелепо – разбойники заметили его улыбку и заухмылялись в ответ. Выглядели они как обычные крестьяне, только за поясами торчали тесаки и мясницкие ножи, – но в их взглядах Натану чудилось едва ли не дружелюбие... впрочем, не по отношению к эльфу.

– Не дергайтесь, – предупредил один из бандитов и распахнул плащ Глоринделя, которого с некоторым трудом держали двое других разбойников. Он хотел всего лишь обыскать его, но эльф, похоже, потрясенный самим фактом того, что какой-то грязный человек смеет прикоснуться к нему, снова рванулся. Капюшон плаща соскользнул с его головы, золотистые пряди блеснули в солнечном свете. Разбойник продолжал обыскивать его, но лицо главаря изменилось. У Натана упало сердце.

– Эй, Чарл, – негромко сказал один из разбойников, – а это, часом, не тот ли эльф со своим дружкой, о котором болтали давеча купчишка с рыжей бабой?

– Да вот и я о том же думаю, – проговорил главарь и шагнул вперед. Если бы меч все еще оставался при Натане, сейчас он, пожалуй, рискнул бы – всеобщее внимание было приковано к Глоринделю, к тому же положение заметно ухудшилось. Бандиты, видимо, почувствовав его напряжение, подступили ближе, а один достал нож и приставил его к ребрам Натана.

– Стой смирно, – велел он, и Натан стоял, глядя, как главарь подходит к Глоринделю и пристально всматривается в его лицо.

– Так, так, – спокойно проговорил он. – Ну-ка, сударь... извольте не дергаться минутку...

Он схватил эльфа за волосы, рванул его голову назад. Белокурые пряди скользнули, обнажая ушную раковину – тонкую, правильной формы, вытянутую и заостренную в верхней части.

– Вот так дела! И правда эльф! – воскликнул главарь, расплываясь в довольной улыбке.

– Не смей ко мне прикасаться, – прошипел Глориндель. В его глазах плясало безумие, и Натан невольно порадовался, что его держат так крепко – а то парень неровен час устроил бы тут настоящую бойню.

– Я уже посмел, – сказал главарь разбойников и ударил эльфа по лицу.

Удар был от души, и Натан подскочил от неожиданности. Голова Глоринделя тяжело мотнулась в сторону, в точности как голова мальчишки-конюха прошлым утром. Натан успел заметить изумление, мелькнувшее в широко распахнутых синих глазах. А ведь никто никогда не поднимал на него руку. Сколько раз самому Натану хотелось это сделать... и теперь он чувствовал бесконечную признательность к главарю разбойников, который дал по зубам этому чванливому подонку, раз уж на то не сподобился сам Натан.

По подбородку Глоринделя текла кровь. Он был так шокирован, что не сопротивлялся, пока его подтаскивали к дереву. Натан понимал, что должен плюнуть на риск и немедленно бросаться на помощь своему господину – потому что лорд Картер сказал, что этот эльф на время путешествия его господин... Но он стоял неподвижно, и вовсе не потому, что ощущал прикосновение лезвия сквозь одежду. Точнее, не только поэтому.

У него было несколько причин, и по меньшей мере об одной из них никто, кроме него, не знал.

Эльфу скрутили руки позади ствола. Главарь пошел к нему, на ходу доставая нож и проводя лезвием по ладони. Кольцо разбойников сузилось, потеснив Натана ближе к центру событий, за которыми тот наблюдал с почти зрительским любопытством. Эльф тяжело дышал, сверкая глазами сквозь упавшие на лицо волосы, но убивать взглядом он, к сожалению или к счастью, не умел. Его взгляд упал на Натана, и тот увидел в нем странную смесь ненависти с мольбой.

– Как же вы очутились в наших краях, господин эльф, а? – проговорил главарь. – Знаете, у нас теперь так беспокойно... Война идет...

– Не смей, – хрипло сказал эльф, не уточняя, что именно разбойник должен не сметь, но тот даже не улыбнулся в ответ.

– Война, знаете ли, дело такое... Разруха, голод... Всем деньги нужны. Мы люди простые, убивать – никого не убиваем без надобности, но надобность, она ведь не спрашивает, когда ей приходиться. Вижу, вы... человек небедный. – Слово «человек» прозвучало с немереным сарказмом. – И в нашу-то глушь вас наверняка привело важное дело. Не хотелось бы вас задерживать, но придется.

Он снова ударил эльфа, на этот раз в живот, а когда тот согнулся на подкосившихся ногах, опять схватил его за волосы, прижал затылком к стволу – и вдруг повернулся к Натану. Его глаза влажно поблескивали – и Натан слишком хорошо понимал, что значит этот блеск.

– Ваш спутник не очень-то самоотвержен, – в голосе главаря звенела насмешка, – но благоразумен и, что важнее всего, человек. Уж не знаю, сколько вы ему платите... Надеюсь, немало, потому что на него будет возложена важная миссия... важная для вас, я имею в виду. Он отправится в вашу чудную эльфийскую страну и привезет сюда... ну, скажем, тысячу золотом. Как думаете, господин эльф, вы стоите столько? Или поторгуетесь?

По лицу и шее Глоринделя струился пот, горло дергалось, будто он пытался сглотнуть, мокрые волосы облепили лицо, пачкаясь в крови, сочившейся из разбитых губ. Натан смотрел на него с глубоким, умиротворенным удовлетворением. Как ему хотелось оказаться на месте главаря бандитов... правда, он еще коленом бы в одно место наподдал. Ну да за этим дело не станет, надо полагать.

– Не будем торговаться? Ну и отлично. – Главарь улыбнулся и вдруг почти ласково откинул в сторону волосы эльфа, снова обнажая ушную раковину. – А в качестве гостинца для ваших родичей мы ему выдадим то единственное, что вас отличает от нас... Чтоб вы себя не чувствовали у нас в гостях неловко.

И прежде чем Натан успел понять, что происходит, бандит коротким резким движением срезал верхнюю часть уха эльфа. Это заняло мгновение – только что-то коротко и жутко хрустнуло.

Глориндель завопил, пронзительно и страшно, его скрутило от боли. Кровь, такая же ярко-алая, как у людей, хлынула по его шее, заливаясь за воротник. Натан остолбенел. Главарь деловито отряхнул от крови обрубок, повертел в руке, разглядывая. Эльф всхлипывал, низко опустив голову и дрожа всем телом.

– Не печальтесь, сударь, – весело сказал главарь и хлопнул Глоринделя по плечу. – Так гораздо лучше. Заживет, будете с виду просто красивым парнем из наших, девки любить станут. Только вот ушки-то длинноваты – а так ну впрямь наш...

Он шагнул в сторону и откинул волосы с правого, пока еще целого уха эльфа.

Натан вышел из столбняка.

– Сбейся! – крикнул он. – Не косарь его!

Все взгляды тут же устремились к нему. Натан стоял, широко расставив ноги и стиснув кулаки. Молниеносный взгляд главаря он выдержал без малейшего труда.

Получилось.

– Ты корешовый? – помедлив, спросил главарь. Странное дело: заговорив на языке, куда более привычном для его среды, чем витиеватая речь, которой изъяснялся перед тем, он стал намного менее самоуверенным. Не так уж давно разбойничает, понял Натан и презрительно бросил:

– Сам сечешь, кто по жизни так трендит. Чай, не цивлы.

Разбойники принялись мяться, явно смущенные. Главарь пристально смотрел на Натана, по-прежнему крепко держа эльфа за волосы. Глориндель перестал дрожать, хотя кровь все так же хлестала из раны, и поднял глаза: в его взгляде боль смешивалась с непониманием.

– Чьим значился? – спросил главарь.

– Алана Джойса.

– Их же подрали всех давно.

– Кого подрали, кто сдрапал. Мне подфартило.

Главарь помолчал, жуя губы. Потом проговорил:

– Я с ним корешался. Знатный был варьят.

– Самый знатный, – спокойно сказал Натан. Главарь кивнул с уважением. Боги, только бы эльф сейчас ничего не ляпнул. Впрочем, кажется, сил у него на это не было. Натан помолчал, потом шагнул вперед – его никто не остановил – и произнес: – Знамо, дувал по ветру не кидают. Но я тебя по чести Джойса прошу. Как бражеля.

Поднялся шум. Бандиты бормотали, а некоторые и выкрикивали, что только щенки выпускают добычу, когда она уже в руках. Главарь молчал, судорожно оттягивая голову эльфа и глядя Натану в глаза. Его рука с окровавленным ножом была опущена. Наконец он крикнул:

– Хари прикрыть!

Разбойники мгновенно умолкли. Отличная дисциплина... Странно, а ведь и не подумаешь с виду. Кажется, просто местное мужичье на большую дорогу пошло...

– По чести Джойса, – сказал главарь наконец. – Как бражелю.

Он отпустил эльфа и пошел прочь, на ходу вытирая нож. Разбойники, ворча, расступились, отошли от стреноженных коней, один за другим нырнули в густую листву кустарника. Один из них задержался и молча протянул Натану его меч.

Главарь шел последним – у самой кромки дороги он обернулся и насмешливо помахал зажатым между пальцами куском эльфийского уха.

– Оставлю на память, – без улыбки сказал он и исчез.

Натан дождался, пока перестала колыхаться листва, и медленно подошел к повисшему на веревках Глоринделю. Тот пытался выпрямиться, но, кажется, ноги его не держали.

– Что ты... стоишь... – прохрипел эльф.

Натан смотрел на него, вспоминая, как он бил по лицу мальчишку-конюха. Каким был тогда его взгляд – тогда, и раньше, когда он бил и унижал других людей, встречавшихся на его пути, и позже, когда взглянул на Натана с лестницы, прижимая к себе рыжую шляху, и сказал: «Убей его». Каким он был... холодным, безмятежным, удовлетворенным... Точь-в-точь таким, как взгляд Натана в этот миг.

Между нами ведь нет никакой разницы, вдруг подумал он.

Натан медленно убрал слипшиеся от пота и крови волосы эльфа, непроизвольно повторяя жест разбойничьего главаря. Глориндель с трудом поднял голову, вскинул на Натана требовательный взгляд, тут же ставший испуганным. Боится... снова боится... теперь боится, а был таким наглым. Смеялся... звонко и злобно... всегда одинаково. «Ты слишком неуверен в себе, друг мой» – и эта улыбка... красиво изогнутые губы, которые сейчас разбиты в кровь...

У Натана потемнело в глазах.

– ...Натан?

Собственное имя донеслось до него будто издалека. Он моргнул, сгоняя дымку, и ужаснулся тому, что только что почувствовал... тому, что почти собрался сделать. Эльф смотрел на него, его глаза были невыносимо, болезненно синими – неестественно синими, у людей таких глаз не бывает...

– Ты присягал, – тихо, но внятно проговорил Глориндель, и Натан деревянно кивнул.

Он развязал эльфа, и тот, оттолкнувшись непослушной ладонью от ствола, шагнул вперед. Покачнулся, но на попытку Натана поддержать его отстранился.

– Надо вашу рану перевязать, – неуверенно сказал Натан. Наваждение прошло, и теперь нарастало чувство вины – гораздо более сильное, чем то, которое он мог испытывать за промедление, стоившее Глоринделю не только поправленного достоинства.

– Я сам, – ответил эльф и, шатаясь, побрел к коню. Натан не стал спорить – просто смотрел, как Глориндель вслепую промывает рану вином и неловко делает перевязку из носового платка. Повязка тут же пропиталась кровью. Эльф отхлебнул из фляжки остаток вина и глубоко вздохнул.

– Едем.

– Вы сможете держаться в седле? Вам бы отдохнуть...

– Едем, я не хочу здесь оставаться.

Натан пустил Глоринделя вперед, следя, чтобы тот не свалился с коня. Эльф немного покачивался, но падать вроде не собирался.

Они ехали молча не меньше часа, прежде чем Глориндель, не оборачиваясь, спросил:

– Почему ты не дрался?

– Потому что мне надо доставить вас в столицу живым, – отозвался Натан – он ждал этого вопроса, и у него было время придумать ответ.

– Лучше погибнуть с честью, – угрюмо сказал эльф.

– Странные у вас представления о чести!

– Это у тебя они странные.

И снова умолк. Натану было неловко. Он знал, что поступил правильно, но от вида темно-вишневого пятна на белом платке, стягивающем голову Глоринделя, ему делалось не по себе.

Спустя еще какое-то время эльф задал второй ожидаемый вопрос:

– На каком это языке ты с ними говорил?

– Жаргон, которым пользуются бандиты с большой дороги.

– И откуда ты его знаешь?

Натан промолчал. Эльф засмеялся – смех его звучал все так же звонко и зло.

– Можешь не отвечать. И дураку ясно, ты был одним из них. Твой лорд об этом знает?

– Знает, – жестко сказал Натан. – Свои преступления я давно искупил.

– Хотелось бы знать чем, – ядовито произнес эльф и, не дожидаясь ответа, добавил: – Почему ты ждал так долго? Почему сразу не признался, что ты один из них?

– Я не думал, что это понадобится.

– Ты должен был...

– Я сделал все, что был *должен!* – перебил Натан. – Для друга я, возможно, поступил бы иначе – но вы мой господин, я должен был спасти вас и спас, чего вам еще?

– Для друга, говоришь... – протянул эльф и отвернулся, но Натан услышал в его голосе усмешку – на миг ему показалось, что горькую. – Да уж... зачем нам враги с такими друзьями?

Натан промолчал – просто потому, что не нашелся с ответом.

– А я по твоей милости без кинжала остался! – вдруг запальчиво бросил эльф. – И плащ у меня порван.

И умолк, словно не желая замечать остального ущерба. Натану захотелось сказать ему что-нибудь... но он так и не решил что.

Они ехали шагом по лесной дороге. В вышине, у самого неба, безмятежно щебетали птицы.

Следующие несколько дней ничего не происходило. Они просто ехали, понемногу забирая к юго-западу: в восточной части княжества шли бои. Один раз им встретился отряд тальвардов, бодро маршировавший на юг: они переждали в кустах, лежа в высокой траве и не дыша; в лице эльфа читалось любопытство. Тальвардов он прежде никогда не видел, и их бесстрастно-свирепый вид, как показалось Натану, произвел на него впечатление. Впрочем, потом

выяснилось, что дело было не в свирепости, а в снаряжении: эльф, никогда не видевший снега, не мог взять в толк, зачем тальварды закутываются в бесчисленные кожаные и меховые одежды. Натан, впрочем, тоже не понимал. Правда, порасспросить об этом у него охоты не возникало, благо такая возможность их минула – отряд прошел, и они двинулись дальше, выбирая все более заброшенные и извилистые дороги. Разбойников им больше не встречалось, но Натан старался быть начеку. Глориндель уже не жаловался и вообще вел себя тихо. Они ехали бок о бок целыми днями, а ночевали чаще всего под открытым небом – трактиры встречались все реже. Эльф сделался неразговорчив. Сначала Натан молча радовался, потом почувствовал себя неуютно. На четвертый или пятый день после встречи с разбойниками он не выдержал и заговорил первый:

– Зачем вам это надо?

Они сделали привал около ручья: местечко было хорошее, казалось спокойным, даже уезжать не хотелось. Эльф полоскал в воде повязку, которую все еще носил на ухе: рана стала нагнаиваться. Натан чувствовал дурной запах, шедший от нее, и, зная живучесть эльфов, смутно надеялся, что ничего страшного в этом нет. Не считая, конечно, погубленной гордости и привлекательности Глоринделя, от чьего уха остался распухший искривленный обрубок.

В ответ на вопрос Натана эльф обернулся. Похоже, он был немного удивлен, что Натан прекратил играть в молчанку.

– Ты о чем?

– Эта женитьба. Зачем? Лично вам? Вам приказали? Вы не могли послушаться?

Эльф усмехнулся, отвернулся, принялся выкручивать платок. В ручей потекла розоватая вода.

– Мне никто не может приказывать. Я делаю только то, что хочу.

– Вы хотели этого?

Натан не видел его лица, но в голосе Глоринделя явно слышалась усмешка.

– Эй, да ты видел ли леди Рослин, свою княжну, а, Натан? Твой лорд Картер показал мне ее портрет – жаль, он слишком большой, чтобы я мог захватить его с собой. Она просто чудо. Никто бы на моем месте не устоял.

– Ей одиннадцать лет, – возразил Натан. – И мне не верится, что для эльфа вашего положения не нашлось лучшей партии у вас на родине.

Эльф промолчал, продолжая полоскать повязку, и Натан уже решил, что ответа не последует, когда Глориндель вдруг негромко сказал:

– Я хотел уехать.

Натан вздрогнул. В редкие, очень редкие минуты ему казалось, что здесь что-то не так: в голосе эльфа снова скользнуло то самое напряжение, которое Натану уже доводилось слышать раньше – у путевого камня.

– Почему? – вырвалось у него. Он знал, что ответа не будет, и все равно спросил.

Эльф снова обернулся через плечо, и в его глазах впервые за последние дни сверкнул былой холодный задор.

– Расскажу, если ты мне расскажешь про свою подружку. Ту, что Картер на суку вздернул.

– Она мне не подружкой была! – бросил Натан и тут же осекся, поймав злорадную улыбку эльфа. Глориндель сел на землю, деловитыми, уже привычными движениями замотал голову. Он так и не позволил Натану хотя бы взглянуть на рану вблизи.

Закончив, эльф положил ладони на колени и снова улыбнулся. Его глаза лучились.

– Жрать давай, – вдохновенно проговорил он.

Вот так они и поговорили в тот раз.

А потом снова молчали – до самого моста.

Мост этот явился для Натана полной неожиданностью, как и расщелина глубиной футов сорок, которую он пересекал. Склоны были почти отвесные, глинистые, тут и там утыканые

островками сланца. Далеко внизу шумно текла мелководная, но очень бурная река, испещренная мелкими рифами. Если упасть – костей не соберешь.

Путь был один – по мосту, но одного взгляда на него Натану хватило, чтобы понять: проще уж сразу сигануть вниз. Быстрее, и страху набраться не успеешь.

– Всеблагое небеса, – сказал эльф и, подобрав с земли камешек, швырнул его вниз. Мгновения, которые ему понадобились, чтобы достичь дна, показались обоим часами. – Но это же не мост. Это гнилое бревно. Я по нему не пойду.

Натан вполне понимал его. Допустим, это было нечто более основательное, чем гнилое бревно, но ненамного. Это были два гнилых бревна, к тому же кривых и тонких, со щелью между ними в полтора кулака, огороженные также прогнившей и оборванной в нескольких местах веревкой. Веревка была привязана к четырем колышкам, вбитым в правое бревно. Расщелины были ярдов десять шириной, но и на этих десяти ярдах шею сломать можно было дюжину раз. Впрочем, не наверняка.

А вот кони тут не пройдут, как ни старайся.

– Может, поищем обходной путь? – неуверенно сказал Глориндель. Натан покачал головой.

– Мы же свернули на эту дорогу еще вчера. С тех пор даже тропинки в сторону не шло.

– Что ты предлагаешь?

Натан вздохнул – ему самому не нравилась его идея, но выбора не оставалось. Если бы у них был топор, можно было бы попробовать соорудить переправу понадежнее... но без инструмента это займет несколько дней.

– Оставить лошадей и идти пешком.

– Сдурел? – холодно осведомился Глориндель. – А дальше как, валандаться по дорогам, затерявшись в толпе бродяг?

– В ближайшем постоялом дворе наверняка найдется пара коней.

– И на какие же средства ты собираешься их приобрести? Твои собратья, если помнишь, обчистили нас до нитки.

– У меня кое-что осталось. В сапоге зашил на черный день, – сказал Натан и добавил:

– И они мне не собратья.

– А, ну да, они твои *друзья*, – язвительно сказал Глориндель, хотя было заметно, что он удивлен такой предусмотрительностью.

Они еще немного поспорили, но в конце концов эльф сдался. Пришло время порадоваться, что кони снаряжены так себе, и расставаться с добром оказалось не очень трудно. Самих лошадей, правда, было жалко: они, будто чуя неладное, смотрели на хозяев безумными глазами и встревоженно ржали. Глоринделя, впрочем, это не волновало. Он решил все-таки взять попону, потому что страшно мерз ночами, особенно в последние дни (Натан подозревал, что гноящаяся рана была не последней причиной озноба), и – Натан даже не удивился – хлыст, от которого натерпелся и его конь, и кое-кто из простолюдинов.

Натан пошел первым.

Бревна скрипели, шатались и расползались под ногой, веревка выскользнула из-под ладони и только мешала сохранять равновесие, речной поток угрожающе гудел внизу, а небо болталось в вышине, но он преодолел путь быстро и без происшествий. Оказавшись на другой стороне, ободряюще махнул рукой эльфу. Тот, впрочем, выглядел вполне уверенно, несмотря на свое давешнее заявление.

Когда нога Глоринделя соскользнула с бревна, а другая рванулась следом за почти в то же мгновение проломившейся опорой, Натан подумал, что ждал чего-то подобного. Да что там – был абсолютно уверен. Он бросился вперед и застыл, понимая, что вес двух человеческих тел обрушит это хилое построение, но не успел даже запаниковать – эльф ловко ухватился за обрывок веревки, подтянулся, зацепился обеими ногами за бревно, вскарабкался обратно,

ловко, как кошка, и уже через мгновение снова стоял на мосту, а через полминуты – на земле рядом с Натаном.

– Идем, – спокойно сказал Глориндель. Он даже не раскраснелся, зато у Натана сердце колотилось как бешеное. Кони, нерешительно топтавшиеся на другой стороне, жалобно заржали.

Натан помедлил, потом двинулся за бодро шагающим по дороге эльфом. День едва перевалил за половину, и у них был шанс набрести на трактир до темноты.

«Что бы я делал, если бы он сорвался?» – подумал Натан и понял, что не знает ответа.

«А что бы ты делал, если бы тогда... в лесу... разбойники... и *потом* ...»

Он оборвал эту мысль прежде, чем она успела испугать его по-настоящему. Натан не знал, что было хуже: вероятность, что его подопечный глупо и нелепо погибнет, свалившись с прогнившего моста через овраг, или... то, что было в лесу.

Эльф остановился так внезапно, что погруженный в свои мысли Натан едва не налетел на него.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – резко сказал Глориндель.

«Вы это уже однажды говорили», – подумал Натан.

Эльф смотрел ему в глаза, цепко и пристально. Натан так и не решил для себя, что в этом случае делает ему честь: если он сможет выдержать этот взгляд или если найдет в себе силы отвести глаза, хоть их и притягивало к лицу эльфа будто магнитом.

– Ты думаешь, что я должен был свалиться, – четко и твердо, как всегда в такие минуты, проговорил Глориндель. Натан начинал подозревать, что такое поведение – это что-то вроде припадков безумия. Потом до него вдруг дошел смысл сказанного.

– *Должны?!*

– Должен. Так всегда происходит. Так по правилам.

– Каким правилам, о чем вы? – «Он ненормальный... впрочем, я ведь знаю это уже давно».

– Правила, обычные правила, – запальчиво сказал эльф. – Ты спас меня один раз, теперь должен был спасти второй, мне полагалось бы чувствовать к тебе признательность, потом ты бы влип в какое-нибудь дерьмо, и я бы спас тебя. Так полагается. Чтобы все вышло.

– Да что вышло-то?

– Как на камне написано, – коротко сказал эльф и, резко развернувшись, пошел дальше.

Натан постоял, глядя, как каблуки эльфийских сапог выбивают пыль из дороги. Потом вдруг сказал:

– Если я спасу вас хоть сто раз... и если вы спасете хоть двести раз меня, друзьями это нас не сделает.

Эльф остановился. Обернулся.

– А ты-то знаешь, что делает друзьями, да? – без улыбки проговорил он. Натан, уже пожалевший о своих словах, пошел вперед, стараясь скрыть замешательство. Эльф стоял на месте, глядя, как он приближается. Поднявшийся легкий ветерок трепал его волосы, на миг отбросил прядь с повязки, скрывающей изуродованное ухо.

– Я прочитал неправильно, – сказал эльф, когда Натан поравнялся с ним.

Боги, о чем он на этот раз?..

– Что?

– Я неправильно прочитал, – повторил эльф и заулыбался – чисто, радостно и лукаво, будто говоря: «Как я тебя разыграл, а?» – На том камне. Там было сказано: прямо пойдешь – коня потеряешь. Жизнь – если направо, друга – налево, а прямо – кони... кони, Натан, понимаешь?

И он захохотал – залиvisto и весело, будто считал сказанное удачной шуткой. Натан ощутил легкий озноб. Эльф не нравился ему таким. Он вообще ему не нравился... но таким особенно.

Он зашагал вперед.

– Прямо пойдешь – коня потеряешь! – крикнул эльф ему вдогонку. – Коня – прямо! Все верно, Нат! Все путем! Как должно быть! Я просто неправильно прочитал! Все *по правилам!*

Он хохотал и хохотал, согнувшись и лупя кулаком по колену. Ветер усилился. Натан поднял воротник плаща.

Они и правда вышли к трактиру до наступления темноты, но он оказался пуст и заброшен, только ставни шумно хлопали на ветру. Внутри было сыро, но чисто – мебель на месте, ни крови, ни мертвых тел. Казалось, люди просто однажды решили, что отсюда надо уходить. Вполне возможно, что так и было – если недалеко шли бои, но Натан чувствовал нарастающую тревогу. Они переночевали в трактире, пополнили запасы воды и утром продолжили путь – как и прежде, пешком.

– Что будем делать, если и дальше то же самое? – спросил Глориндель, когда они преодолели несколько миль, не встретив больше ни одного постоянного двора.

– Тут недалеко должен быть небольшой городок. Пилмут... или Плимут, как-то так. Я когда-то давно проезжал этими местами. Там-то лошади точно найдутся.

– Если там еще нет тальвардов, – сказал эльф и бодро зашагал вперед.

Им пришлось сделать еще одну ночную стоянку – на этот раз прямо у дороги, но наутро они почти сразу вышли из леса. Дорога резко обрывалась, выводя на плато, возвышающееся над небольшой долиной. Впереди простирался травянистый склон, а за ним, сколько хватал глаз – поля, только на самом горизонте поднимались столбы дыма: там были тальварды.

Но это далеко, а тут, у самых ног, посреди долины, стоял город; крепостные стены были возведены из зеленого камня, казавшегося странно ярким в солнечных лучах.

– А вот и он, – сказал Натан. – Плимут...

– Или Пилмут? – без особого энтузиазма добавил эльф, глядя на долину и слегка постукивая рукояткой хлыста по бедру.

– Не важно, – рассмеялся Натан; он чувствовал облегчение, будто они уже достигли конечной точки назначения. – Склон тут не опасный, спустимся и до темноты будем в городе.

Так они и сделали, хотя Глориндель, последние дни возобновивший жалобы на тяготы путешествия, не казался ошарашенным. Он вообще был еще более мрачен и бледен, чем в первые дни после встречи с разбойниками. Натан в глубине души побаивался, как бы ему не было худо – из-за все той же упорно не заживающей раны. Повязка посерела и оставалась такой, сколько эльф ни отстирывал ее. А сегодня утром на ней снова появилось кровавое пятно. Натан ничего не сказал, когда заметил это, но его радость при виде человеческого жилья оказалась вдвое сильнее, чем была бы, если бы он не подозревал, что эльфу нужна помощь. Пока он об этом не заговаривал, но твердо решил сразу по прибытии в город разыскать лекаря.

Когда они достигли городских укреплений, солнце уже почти коснулось горизонта; громада города скрывала его от глаз, и сторожевые башни озарялись мутным алым ореолом, что в сочетании с их погустевшей в сумерках зеленым выглядело тревожаще и... как будто болезненно. Радость Натана немного померкла и исчезла вовсе, когда они подошли к городу вплотную.

– Что-то тут не так, – вполголоса сказал эльф, и с ним было трудно не согласиться.

Город окружал защитный вал, но его никто не охранял. Ворота были открыты, створка калитки, распахнутая настежь, с протяжным скрипом качалась на ветру, и это был единственный звук, доносившийся со стороны города.

– Там что... тоже никого нет? – неуверенно проговорил Натан. Они остановились в полусотне ярдов от ворот. Небо лиловело, ореол света вокруг зеленой башни темнел, становясь из алого кровавым.

– Надо войти, – твердо сказал Глориндель. – Это тебе не придорожный трактир. Целый город не мог дать деру. А если и так, его давно бы заняли тальварды. Кто-то там наверняка есть. Может, даже лошади.

Он зашагал вперед, не дожидаясь ответа. Натану ничего не оставалось, как последовать за ним, хотя позже он понял: уже тогда стало ясно, что именно здесь не так. Причина могла быть только одна... но он не захотел даже думать о такой возможности, потому что тоже устал и хотел есть. И еще – потому что Глориндель нуждался во враче. Это уже было очевидно.

Площадь перед воротами пустовала. Почти то же самое, что в недавнем трактире: никаких следов разрушений или битвы, только холодная, беззвучная, жуткая пустота. Все окна и двери наглухо закрыты, ни души, даже бродячих собак не видно. И какой-то странный запах витал в воздухе – тяжелый, удушливый, напоминающий запах паленых листьев.

Фонтан посреди площади тоже был мертв. Глориндель подошел к нему, перегнулся через ограждение, нахмурился.

– Вода стоит. Видать, недавно работал, – заметил он; в застывшей тишине его голос прозвучал оглушительно. Он, кажется, сам это заметил и поморщился. – Надо поискать коней. Не может быть, что тут вообще никого нет.

– Нам нельзя здесь оставаться, – вырвалось у Натана.

Глориндель обернулся к нему, слегка сощурившись.

– И что ты предлагаешь на этот раз? Ночевать за воротами? Хватит уже. Коней мы лишились по твоей прихоти. Так бы уже, может, были в столице.

– Моя прихоть тут ни при чем, у нас не было выбора.

– Это ничего не меняет. Ты как хочешь, а я, на худой конец, забреду в какую-нибудь гостиницу и хоть посплю нормально, если завтра снова весь день на своих двоих топать, – резко сказал Глориндель и вдруг осекся.

Натан посмотрел на него с удивлением и тут же замер, уловив еле слышный, тоненький не то стон, не то всхлип.

– Это там, – понизив голос, сказал Глориндель и кивнул на приоткрытую дверь в доме на окраине площади. Поколебавшись мгновение, он направился туда. Натан хотел удержать его, но передумал, а через минуту двинулся следом.

Всхлип повторился. Глориндель приоткрыл дверь ногой, ступил в расширившуюся щель. Теперь было слышно, как кто-то плачет и причитает – женщина или ребенок, тихонько, монотонно. Короткий темный коридор вел в небольшую комнату, похожую на гостиную, – светлую и уютную, обставленную в голубых тонах. Натан успел окинуть ее беглым взглядом, прежде чем Глориндель остановился как вкопанный, загораживая вход в комнату. Натан уже знал, что он там увидел, но все равно подался вперед и положил руку на плечо эльфа, намереваясь заставить его отступить. Тот вздрогнул от этого прикосновения, но не двинулся с места.

Натан шагнул к эльфу вплотную, не убирая руки, взглянул ему через плечо и увидел.

На полу лежала женщина – мертвая, причем, видимо, умерла она давно, потому что тело высохло и почернело. Ее глаза были закрыты, а рот широко открыт, будто она кричала, когда умерла. Над ней сидел, опираясь на пятки, крепкий мужчина лет тридцати. Его голова была опущена, тусклые свалывшиеся волосы облепляли лицо, и седые пряди в них говорили больше, чем отрешенное выражение его лица. Мужчина раскачивался вперед-назад, держа в руках черную, как головешка, руку женщины, и причитал тонким, надломленным голосом, быстро и сбивчиво, так что ни слова нельзя было разобрать.

Натан смотрел на него, не замечая, что все сильнее стискивает плечо эльфа. Тот, впрочем, тоже этого не замечал.

Мужчина вдруг поднял голову, но явно не потому, что обнаружил их присутствие – его лицо не изменилось, а растрескавшиеся посиневшие губы не перестали шевелиться.

– ...котенок... – вдруг внятно прошептал он и вскинул глаза – темные и отталкивающие, как провал выгребной ямы. – Это котенок. Это все он. Найди его. Котенок.

Натан подумал, что никто теперь не сможет сказать, сколько лет этому человеку – тридцать, а может, двадцать или сорок, и еще – что это уже не важно, потому что он скоро умрет и почернеет, как и эта женщина.

– Котенок, – высоким, надрывным голосом повторил мужчина и дернул щекой. Мокрая прядь волос соскользнула с нее, и Натан увидел сочащуюся гноем язву на сухой пергаментно-желтой коже.

Он хотел крикнуть, но не смог набрать воздуха в грудь, поэтому из горла вырвался только сдавленный хрип:

– ...чума.

Эльф не двинулся с места. Натан не видел его лица и так никогда и не узнал, каким оно стало в тот миг. Впрочем, тогда ему не было до этого дела.

– Это чума! Вы слышите?! В этом городе чума! Немедленно уходим!

– Котенок, – сказал мужчина, глядя на Глоринделя, и в его глазах блеснула слабая, но от того еще более жуткая искра мысли – и мольбы.

Натан рванул эльфа назад. Тот подчинился, даже не подумав сопротивляться. Натан буквально выволок его на улицу. Он старался задержать дыхание, чтобы не пускать в себя ядовитый воздух этого города, бывшего, как он теперь понял, попросту огромным склепом. Снаружи стало темнее – солнце село. Натан толкнул странно обмякшего эльфа вперед, по направлению к воротам, – и застыл, увидев то, что до того скрывал от них фонтан.

В задней части площади, не видимой со стороны ворот, была сгружена куча черных тел. Кое-где из нее торчали кости и обрывки ткани. Тела не сгорели до конца – только обуглились до полной неузнаваемости. Куча даже не тлела, от нее не шло ни дыма, ни смрада. Рядом валялась перевернутая тачка.

Натан заставил себя оторвать от нее взгляд и на негнущихся ногах пошел к воротам. Глориндель стоял чуть впереди, пристально глядя на него.

– Нат, – проговорил он. – Ты зря боишься. Эльфы не болеют вашими человеческими хворями. Все будет хорошо.

Натан поднял на него глаза. Взгляд эльфа был мутным, но совершенно честным. Он говорил серьезно.

У Натана задрожали губы. Он зажал рот ладонью, чтобы подавить рвущийся истеричный смех. Эльф слегка нахмурился.

– В чем дело? – спросил он, но Натан уже бежал к воротам. Они прыгали перед его глазами, будто безумные, и он зажмурился, чтобы не видеть их дикой пляски, похожей на судороги бьющегося в агонии.

Он сам не помнил, как выбрался из города. Очнулся только на дороге, в трех сотнях ярдов от ворот. Эльф был рядом. Натан шел прочь, не останавливаясь, хотя уже совсем стемнело. Глориндель шагал с ним в ногу, не требуя встать на ночевку. Было темно, как в могиле, – на всю долину ни одного огня, только первые звезды дрожали где-то безумно высоко, не освещая и не согревая.

– Тот человек... – услышал Натан голос Глоринделя. – Он выглядел так... так...

Он умолк. Натан остановился – его ноги вдруг снова ослабли.

– Стойте, – сказал он. – Ночуем.

– Здесь? – удивился эльф, и было чему: они стояли посреди дороги.

– Здесь, – сказал Натан.

Он уснул, а когда проснулся утром, то увидел язву на тыльной стороне своего запястья. Язвочка была совсем маленькая. К полудню она увеличилась почти вдвое, рядом появилась еще одна, и еще две – на шее. Эльф ничего не замечал; они шли по пыльной пустой дороге мимо таких же пустых полей, и, садясь на землю, Натан смотрел в его спину, удаляющуюся в мутнеющую розоватую даль. Натан сжал кулак, чувствуя, как ломит пальцы и как хрустит в них песок, и смотрел, смотрел, пока дымка не сделалась непроницаемой.

«Вы правильно прочитали, – подумал он, засыпая. – Все правильно: прямо пойдешь... потеряешь... потеряешь друга... потеряешь... котенка...»

Котенок стал его главным кошмаром. Котенок стал чумой. А чума – котенком.

Пока Натан понимал, что бредит, было еще терпимо. Но он то и дело проваливался в вязкий темный дурман, не похожий ни на сон, ни на явь, и там забывал все, даже свое имя, – и помнил только Аманиту. Первый раз он увидел ее с котенком на руках: она сидела на краю виселичного помоста, болтая ногами, и сжимала в руках маленький серый комочек. Она гладила его, ласкала, тихо и нежно приговаривая всякие глупости. Натан позвал ее, она подняла голову, он увидел, что у нее все еще два глаза, и в то же мгновение понял, что котенок мертвый.

Потом стало хуже. Аманита без котенка и котенок без Аманиты; последнее пугало Натана сильнее всего. В вязкой дымке не было ни пространства, ни света – только серый комочек, подкрадывающийся к нему из густой глубины, и вкрадчивый цокот его маленьких коготков сводил Натана с ума. Он безумно боялся, что котенок доберется до него, его бил озноб от одной только мысли об этом. Иногда котенок мяукал, протяжно и требовательно, будто был голоден. И подбирался, подбирался ближе. Натан просыпался в ледяном поту, судорожно хватая воздух пересохшим ртом, и видел над своей головой небо. Иногда с неба шел дождь, иногда – кошачья шерсть, похожая на тополиный пух. Он пытался приподняться, загребал землю руками в язвах и снова проваливался в дымку, а в дымке была Аманита – тоже в язвах, дикая, хохочущая, с изъеденным чумой лицом и кровавой дырой вместо левого глаза. Иногда она была верхом на брыкающемся черном коне, без седла, вцепившись в гриву костлявыми руками, и тогда хохотала еще громче, так что у Натана закладывало уши. Но он все равно слышал, как где-то очень далеко требовательно мяукает котенок, и от этого звука у него волосы вставали дыбом. Котенок был страшнее Аманиты, даже когда она хохотала, и Натан звал ее, бессильно и беспомощно, как будто верил, что, пока она здесь, котенок не придет за ним.

Но она все равно исчезала, и Натан оставался один в вязкой тьме – один, не считая котенка и чумы.

Один раз ему вроде бы стало легче. Он проснулся с рассветом и смотрел, как всходит солнце. Лежал он на земле – кажется, не голый, потому что лежать было мягко и тепло, вокруг росли деревья, сквозь которые вдалеке просвечивали поля, а рядом тек ручей. Полежав немного, Натан нашел силы доползти до ручья и погрузить лицо в бегущую холодную воду. Тугой поток ударил его, вода хлынула в сухой рот; крохотная рыбка ринулась меж зубов, тут же выскользнула, шлепнув хвостом по губе.

Натан поднял голову, не вытираясь вернулся на место и рухнул, прижавшись щекой к земле. Он смутно понимал, что должен был подумать про что-то... про кого-то?... но так и не успел вспомнить, что же это было, потому что снова провалился в туман, к Аманите и котенку.

Ему казалось, что это длилось вечность, и он твердо знал, что умрет, если котенок коснется его. Постепенно «если» превратилось в «когда»: мяуканье неумолимо приближалось, серый комочек был совсем рядом, протяни руку – и коснешься, но у Натана не хватало сил. Он звал Аманиту, но она пришла только один раз, взяла котенка на руки и унесла, и Натан успокоился было, но очень скоро снова услышал мяуканье. Ему хотелось умереть. И пить. Он никак не мог решить, чего хочет сильнее.

А потом котенок подполз и ткнулся мордочкой в его руку, от которой к тому времени остались только кости, обтянутые пожелтевшей кожей. Натан слабо пошевелил пальцами, и котенок довольно заурчал, перебирая лапками. И Натан вдруг увидел, что вместо левого глаза у котенка – кровавая дыра, а на шее болтается туго затянутый обрывок веревки.

Натан отнял руку от влажной морды котенка и сел.

Было снова утро, впрочем, уже не такое раннее. Слева все так же журчал ручей, а сквозь деревья виднелась дорога. Натан поднял руку, поднес ее ко лбу. И вдруг увидел, что язв на ней больше нет – только неровные красные рубцы. Натан посмотрел на свою руку так, словно видел ее впервые, перевернул, потом провел ладонью по шее, чувствуя, как бугрятся свежие шрамы от нарывов.

И вздрогнул от неожиданности, услышав позади знакомый голос.

– Ну как? Все-таки очухался? – весело спросил Глориндель.

Он сидел на корточках у костра, отряхивая ладони. На нем были только штаны и рубашка, рукава которой он закатал до локтей. Натан заметил, что эльф снял повязку и зачесал волосы назад. Изуродованное ухо являло зрелище не слишком привлекательное, но опухоль спала и нагноение явно прошло.

Впрочем, это не стоило считать чудом по сравнению с тем, что Натан был жив.

– Вы... здесь? – с трудом выговорил он и закашлялся. Горло будто покрылось изнутри твердой коркой. Глориндель вскочил, подошел, протянул Натану фляжку.

– Ну, пей. Сделай одолжение. До смерти надоело тебе самому в глотку вливать.

Натан жадно припал к фляжке, пил долго и шумно. В его голове пульсировал с десятков разрозненных мыслей, и он не мог уловить ни одну из них. Только чувствовал безумную слабость – и ощущение неправильности происходящего. В чем же дело... в чем...

Ну, во-первых, он пережил чуму – это неправильно. Это случается... но так редко, что подобные случаи входят в легенду. Натан никогда не был настолько везуч. А во-вторых... что-то с эльфом... эльф... его не должно здесь быть, это Натан знал твердо, но почему и, главное, как случилось, что он все-таки здесь, – не понимал.

Напившись, он протянул фляжку Глоринделю и, глядя в его улыбающееся лицо, выдохнул:

– Почему я жив?

– Про то у своих богов спроси, – пожал плечами эльф. – Я тут, честное слово, ни при чем.

– А почему... вы здесь? И что... почему мы в лесу?

– Совсем мозги-то отказали в горячке? – с сочувствием проговорил Глориндель. – Куда тебя, чумного, денешь? Я, правда, тоже не сообразил. Волок тебя до ближайшего трактира. Оттуда еле ноги унес – как увидели тебя, хотели убить обоих. Потом сказали, чтобы я бросил тебя, все равно немного осталось.

– Что же не бросили? – хрипло спросил Натан.

Эльф посмотрел на него почти с нежностью.

– Я хотел. По сути, я так и сделал. Сразу, как ты упал там, на дороге. Язвы увидел – и понял, что с тобой кончено. Ты уже и в горячку впал, совсем не в себе был. Я хотел только сапоги с тебя снять – ты говорил, что зашил там деньги. И тут слышу – бормочешь ты чего-то. – Эльф на миг запнулся и без видимой охоты продолжил: – И знаешь... глупо звучит, но так любопытно стало... Ты говорил про свою подружку. Аманиту... или как там ее.

Натан почувствовал, как жар, покинувший было его тело, снова заползает под кожу.

– Много я говорил?..

– Да уж будь здоров. Только сиди и слушай. Я и заслушался. Понял, что хочу знать все подробности. Подумал: а ну как ты выживешь... тогда еще больше расскажешь. – Эльф ухмыльнулся. – Знатный ты баечник, друг мой... Доволок я тебя до трактира, благо недалеко было. Там на порог указали. Я, говорю, эльф, меня чума не берет.

– Вы сказали, что вы эльф?! – простонал Натан.

– Да они особо и внимания не обратили. Кто б ты ни был, говорят, с чумным – поди прочь. Я и отнес тебя в лесок, чуть поодаль, чтобы оттуда не было видно. Сто раз жалел, что не отнес тебя сразу в город – там поудобнее, но только кто же знал?.. Я думал, ты умрешь самое позднее к утру. А ты не умер...

– Не умер, – удивленно откликнулся Натан и снова коснулся рубцов на шее. Эльф заметил его движение и улыбнулся краешком губ.

– Я тебе язвы вскрыл. Кухонным ножом, который в трактире стащил... И поил тебя – ты по десять раз в час пить требовал. И болтал... уж и не думал я, что ты так ладен языком чесать! Когда ехали – целый день молчишь как истукан...

– Вы ухаживали за мной, – изумленно повторил Натан.

Эльф подмигнул ему.

– А мне не в тягость было – ты мне сказками своими сполна отплачивал... Ну, теперь-то ты живой, так что давай рассказывай внятно и в подробностях.

– Сколько времени прошло?

– Как ты свалился? Четвертый день. По правде сказать, я уже думал: если и сегодня не помрешь или не очухаешься, вернусь в трактир один, куплю лошадь, поеду сам. Все равно ты в последнее время одно и то же повторял.

– Что? – мертвея, спросил Натан.

– Что-то про котенка, – ответил эльф.

Натан поежился, попытался приподняться. Получилось не очень.

– Я жду, – настойчиво сказал Глориндель.

Натан бросил на него сердитый взгляд.

– Вы хотите, чтобы я сдох от усталости после того, как пережил чуму? Дайте хоть немного в себя прийти.

– Тогда поторапливайся. С приходом в себя. Я хочу до темна двинуться дальше, и уже верхом – и так кучу времени потеряли.

Натан добрался до ручья, вымылся, потом поел хлеба и мяса, которые эльф догадался захватить в трактире. Глориндель снова принялся напевать. Он казался безумно довольным жизнью. Натан то и дело косился на него, не в силах избавиться от гнетущего чувства неправильности происходящего. Неуязвимый для человеческих болезней эльф мог бросить его и уже быть в двух днях пути от столицы. Но он остался. По совершенно непостижимой для Натана причине – то, что он нес про бред Натана, походило скорее на отговорку... а о настоящей причине Натану думать почему-то не хотелось.

Рубцы на шее еще сильно болели, и Натан морщился, промывая их. Кухонным ножом вскрывал... как только не прирезал случайно. Или не случайно... Натан вспомнил, как стоял над связанным, окровавленным эльфом в лесу где-то бесконечно далеко отсюда, и вздрогнул. Если бы он тогда сделал то, что хотел, то сейчас почти наверняка был бы мертв. Они оба уже были бы мертвы. Они оба обязаны друг другу жизнью... но оба не спасали ее, просто чтобы спасти. Как положено... когда *друг другу* спасают жизнь.

Натану отчего-то было тяжело на душе от этих мыслей.

Они отправились в трактир, о котором говорил Глориндель, и тамошние обитатели смотрели на Натана как на редкостное чудище – с восторгом и ужасом, боясь подойти. Натану очень хотелось завалиться в нормальную постель и поспать хотя бы пару часов, но эльф ему не позволил, а спорить он не чувствовал себя вправе.

Выехали они, как Глориндель и хотел, до темна.

– Так, значит, ее звали Аманита, – сказал Глориндель.

Натан промолчал. Он надеялся, что эльф забудет о том, что услышал от него в бреду, или по крайней мере потеряет к этому интерес. Надежда не оправдалась.

Они ехали рысью по дороге, ведущей на север. До столицы оставалось не более дня пути.

– Одноглазая Аманита, – задумчиво протянул эльф, и Натан, вздрогнув, обернулся к нему.

– Я ее так называл?

– Ты что-то болтал про то, что у нее глаза нет. Иногда, правда, говорил «у него». Так это таки девка была, друг твой закадычный?

– Женщина, – мрачно сказал Натан. Ему совершенно не хотелось об этом говорить, но он чувствовал себя... нет, не то что обязанным. Просто спорить не хотелось. И сил не было.

– Ну, теперь я по крайней мере понимаю, почему вы были всего лишь друзьями. Девки с такими... недостатками... не слишком-то привлекают, а?

– Она была красивой, – мрачней еще сильнее, проговорил Натан. И это правда. Аманита была очень... красивой. Так считал не только он.

– До того, как окосела, – не исключая, – весело отозвался Глориндель. – Ну? Долго вы... хм-м... дружили?

– Пять лет.

– Надо же, – удивился эльф. – Я-то думал, вы, люди, столько бок о бок не живете. И что случилось? Она... эй, ты же говорил вроде, ее повесили? Твой же лорд и повесил? За что это у вас женщин вешают?

– За то же, за что и мужчин, – огрызнулся Натан. – За убийства... разбой...

– Вы были в одной банде, – произнес Глориндель. – Я мог бы и раньше догадаться. Прелестная одноглазая воровка и заросший неуклюжий головорез. Так прямо вас и вижу. Дивная пара.

– Мы не были парой! – повысив голос, сказал Натан.

– Да уж, не сомневаюсь, только по обоюдному ли желанию? – насмешливо бросил эльф. Натан круто развернулся к нему.

– Я не... – Он хотел сказать, что не обязан, не собирается обнажать тут перед ним душу, но внезапно заметил в словах эльфа неточность, за которую ухватился почти радостно: – А с чего вы взяли, что она была воровкой?

– Ну право, друг мой, не конокрадом же, – небрежно сказал Глориндель и рассеянно потер заживающее ухо. Этот жест появился у него недавно, и Натан почему-то принял такое новшество с инстинктивным злорадством. – Женщины в разбойничьих бандах – либо воровки, либо наводчицы, а часто то и другое сразу...

– Вы-то откуда знаете?

– По-твоему, эльфы друг друга не грабят?

Странно... Натан не думал об этом, но сейчас понял, что именно так и считал. Ему не приходилось бывать на эльфийской земле и наблюдать эльфийские обычаи, однако...

– Но мы говорили о другом, – жизнерадостно напомнил Глориндель. – А именно о твоих с ней отношениях. Будь она тебе просто подружкой, не стала бы тебя терзать в бреду. Признавайся, было у вас что?

– Ничего не было!

– А раскраснелся-то! Как юная девица! Ну ладно, ладно. За что ее повесили?

– За наводку, – глухо сказал Натан. Эльф вопросительно приподнял брови. Натан быстро добавил, надеясь раз и навсегда удовлетворить его любопытство: – Она сдала банду лорду Картеру. Хотела взамен место в замке и денег. Милорд дал ей то и другое... и вздернул на следующий день. Еще прежде, чем всех остальных.

– Вы смотрели?

Что-то в голосе эльфа показалось Натану странным, но он не обернулся.

– Они смотрели. Я... меня к тому времени с ними уже не было.

Глориндель помолчал. Натан уже надеялся, что все позади, когда эльф снова заговорил:

– Какой же надо быть дурой, чтобы понадеяться на прощение? Чем она думала?

– Ее вдохновил мой пример, – сказал Натан, не сумев сдержать горечи в голосе.

Теперь удивился эльф.

– Твой пример?

– Я ушел из банды годом раньше. Явился с повинной. Ни на что не рассчитывал, просто камень с души хотел снять. А лорд Картер меня помиловал. Пристроил работать на конюшни... спрашивал, не сдам ли я свою банду. Я отказался. Ну и... потом много чего было. Дочку его младшую конюх наш охмурить пробовал. Я помешал. Девчонка потом опомнилась, благодарна мне была. Отцу рассказала...

– А ты не прост, – протянул эльф. Натан поднял голову. Глориндель смотрел на него чуть искоса, со слабой понимающей улыбкой. – Решил подкупить чистым сердцем, верно? Неплохо придумано.

– Я ничего не придумывал, – рассердился Натан. – Как считал правильным, так и поступил. А что до Аманиты – у нас было много хорошего. И она мне жизнь спасала, и я ей не раз.

– Да только тебе ли не знать, Нат, что это еще не делает друзьями? – мягко сказал эльф.

Натан выпрямился. Он в который раз убеждался, что вступать с этим типом в диспуты себе дороже: все равно перекрутит и вывернет по-своему. А чтобы играть по его правилам, Натану не хватало ни смекалки, ни желания.

– Дело не только в этом, – твердо сказал он, стараясь подвести под сказанным черту. – Мы были близки, потом я ушел, а она предала. Тех, что были нашими общими друзьями... Она заслужила свою участь.

– Как она потеряла глаз?

– Не знаю. Она никогда не рассказывала. Пришла к нам... уже такой. Ее и прозвали Одноглазой Аманитой. Она... – Он поколебался, потом добавил: – Она все равно была красивой.

– И хорошим другом, – кивнул Глориндель. – Да алчность сгубила. И дурной пример. Ясно как день.

– Ничего вам не ясно...

– Все, что хотел, я выяснил, – ровно сказал эльф. Натан посмотрел на него. Он уже не улыбался и смотрел перед собой, спокойно и сосредоточенно.

Натан молча порадовался, что разговор себя исчерпал, потому что они приближались к заставе.

По мере приближения к столице заставы попадались все чаще, а обходить их было все труднее. Эта была, видимо, последней. У Натана имелась охранная грамота от лорда Картера, но он старался не размахивать ею без надобности, зная, как просто ее лишиться. В этот раз он понял, что пора воспользоваться грамотой по назначению.

Застава оказалась широкой, от кромки до кромки дороги, и солдат было немало – мыш, может, и прошмыгнет, а всаднику трудно. Перед патрульной будкой толпилась пестрая очередь из пеших, конных и повозок. Повозок оказалось больше всего – видно, где-то неподалеку намечалась ярмарка. Натан боялся, что очередная задержка вызовет у эльфа припадок ярости – что-то он слишком сумрачным стал. Но тот вел себя спокойно, без пререканий заняв место позади телеги, груженной бочками.

Очередь двигалась медленно. Некоторые путешественники проходили досмотр без заминков, другие пытались подкупить стражу, третьи громко и шумно ругались, доказывая свое право на проезд. Где-то далеко впереди перевернулся воз, после заставы образовалась пробка, прошедшие контроль все еще не могли двинуться дальше, и народ, еще только ждавший очереди на досмотр, начал волноваться. Солдаты покрикивали и порой пускали в ход палки, но в целом все было довольно мирно.

Глориндель, от которого Натан ждал скорее, что он станет вертеть головой и рассматривать толпу, отчего-то мрачнел с каждой минутой и не говорил ни слова до тех пор, пока не подошла их очередь. Перед ними оставалась только повозка с бочками.

– Что в бочках? – спросил солдат, проводящий досмотр, и Глориндель поднял голову.

Натан подумал, что его насторожило что-то в солдате, и тоже бросил на него взгляд. Стражника же явно интересовали только бочки: он прошелся вдоль повозки, проводя по ним палкой. Палка подпрыгивала и тарахтела.

– Эль, добрый господин... Сам варил...

– Эль? А гремит-то так почему?

Глориндель смотрел вперед. Его лицо медленно каменело, глаза становились темными и дикими. Натан бросил встревоженный взгляд сперва на него, потом на повозку, на солдата, по-прежнему не понимая, в чем дело.

– Так пустые попадают, добрый господин, оттого и гремит.

– А мы сейчас поглядим, какие они пустые. Открывай!

Не поворачивая головы, эльф заставил коня попятиться, подобрался в седле.

– Господин Глориндель, что... – полупшепотом начал Натан, и в этот миг случились две вещи. Первая – солдат полез на повозку, дабы самолично досмотреть содержимое бочек. Вторая – Глориндель вонзил шпоры в бока коня с такой силой, что бедное животное, мучительно заржав, рванулось вперед и взвилось в прыжке над повозкой, со всей силы ударив копытом в затылок незадачливого стражника.

Натан застыл, глядя на происходящее будто в дымке и смутно слыша, как эльф что-то кричит на своем языке. Через миг оружие солдаты бросились за ним вслед, но он уже был далеко впереди, среди повозок, ожидающих, пока расчистят дорогу. Рядом с ним мелькнули рыжие волосы, и Натан запоздало понял, что, вернее, кого увидел в толпе Глориндель.

– Ах ты тварь неблагодарная! – закричал эльф, хватая за волосы рыжую купчиху, с которой несколько дней назад предавался любовным утехам в придорожном трактире. – Я тебе четыре раза за ночь засадил, а ты про меня языком трепать на каждом шагу?!

– Помогите! – заорал муж купчихи и сделал это совершенно напрасно – во-первых, солдаты и так уже бежали к ним, а во-вторых, этот крик стоил ему жизни: эльф мгновенно развернулся, выдернул из-за пояса нож и коротким движением всадил его в горло купца. Женщина истошно завопила. Эльф повалил ее на землю, придавил. Лезвие ножа метнулось к ее лицу и застыло в дюйме от широко распахнутого глаза. Эльф что-то тихо сказал – Натан не расслышал что, и в тот же миг налетевший на него солдат сбил его на землю.

Люди, ставшие свидетелями этой сцены, возмущенно кричали, но вмешиваться предоставляли солдатам. Натан протиснулся в центр событий, стараясь никого не задавить по дороге и на ходу вытаскивая грамоту.

– Отпустите его! Оставьте! Именем князя! – крикнул он.

Солдаты, уже вязавшие эльфа, встрепенулись. Взбешенный начальник заставы вырвал бумагу из протянутой руки, быстро пробежал глазами, изменился в лице.

– Тут не написано, что вам дозволено резать ни в чем не повинных людей!

– Неповинных? – хрипло переспросил Глориндель и расхохотался. Натан уже привык к этому смеху, но от него вздрогнули даже солдаты, которые держали эльфа. Сержант бросил на Глоринделя подозрительный взгляд. Было видно, что печать княжеского представителя на грамоте его смущает. Он обернулся к посту, крикнул:

– Что там Вальтер? Жив?

– Жив! – откликнулись от заставы. Двое солдат под руки вели спотыкающегося собрата, нехотая подвернувшегося под копыто эльфома коня.

Это помогло сержанту принять окончательное решение. Он бросил взгляд на рыжую купчиху, поскуливавшую над трупом мужа, потом на эльфа, встретился с ним глазами и тут же повернулся к Натану.

– Езжайте, шут с вами, – сказал он, протягивая бумагу. Натан принял ее с благодарной улыбкой. Глоринделя отпустили. Он распрямил плечи, неторопливо отряхнулся, подобрал с земли нож. Когда он проходил мимо голосащей над мужем женщины, Натан внутренне напрягся, но, похоже, эльфа она больше не интересовала. Эльф легко вскочил в седло, тронул бока лошади пятками. Толпа у заставы провожала их молчанием, полным страха и ненависти.

«Считают, что с охранной грамотой можно творить любые бесчинства, – подумал Натан. – И они правы».

– За что вы так с ней обошлись? – спросил он, когда они отъехали на достаточное расстояние.

– С кем? – без выражения спросил эльф.

– С женщиной. Которую вы сделали сначала шлюхой, а потом вдовой.

– Она мне неплохо отплатила, – холодно сказал эльф и откинул волосы с уха. Натан вздрогнул: впервые Глориндель перестал делать вид, что в том лесу ничего особенного не произошло. – Это же они с муженьком разболтали про нас на все княжество. Может, ты и забыл, а мне-то уж точно забыть не придется.

– Вы хотели... выколотить ей глаза, – едва слышно проговорил Натан.

Глориндель посмотрел на него. От его улыбки Натана пробил дрожь.

– Только один. Уж слишком она зоркая. В полной темноте – а смогла разглядеть, что я эльф. Небось с одним-то глазом смотрела бы куда надо, а не куда вздумается. Хотя... пожалуй, ты прав. Я сглупил. Надо было отрезать ей ухо.

Натан ничего не ответил. Ему не хотелось это обсуждать... но думать о том, что упорно лезло в голову, тоже не хотелось. Не хотелось, *не хотелось*... но не думать он не мог. Это было до того невыносимо, что он уже собирался заговорить – о чем угодно, зная, что все равно так или иначе сведет разговор к тому, что так мучает его в эту минуту...

«Почему вы остались, когда увидели, что у меня чума? Почему вам было так... так *важно* слушать мой бред? Почему вы... Потому, что вы...»

– Я знаю, о чем ты думаешь, – проговорил эльф и слабо улыбнулся – на этот раз мягко и почти виновато. – В третий раз так говорю, но теперь-то действительно знаю.

И сейчас Натан не сомневался, что так и есть.

– Вы... – начал он, но эльф перебил его, спокойно и уже без улыбки:

– Да, это я вырезал глаз Аманите.

Натан не думал об этом. То есть он просто не успел, не набрался сил об этом подумать. Потому что это было слишком ужасно. Слишком ужасно видеть, как ее тело в сером рубище шатается под виселичной переладиной, как волосы выются по ветру, а в небо тарашится кошмарно выпученный глаз, и рядом с ним – столь же кошмарная темная дыра. Она всегда носила черную повязку поверх этой дыры, но повязка упала, когда на шею Аманиты уже надели петлю, и понеслась по ветру, извиваясь и вертясь, как ласточка.

– Я убью вас, – сказал Натан.

– Не убьешь. Потому что ты человек долга. Когда ее вешали, ты стоял и смотрел. Хотя тебе вить хотелось от мысли, что вот она умирает, а ты ее так и не поймел. И потому что если бы она не была изуродована, видеть ее в петле было бы еще невыносимее. Ты это знал. И ты об этом думал. Не отрицай, Нат.

Он не отрицал. Он просто смотрел в спокойные, непривычно добрые и совсем не насмешливые глаза эльфа и вспоминал, как кончик лезвия дрожал над зрачком рыжеволосой женщины. Гораздо более рыжеволосой, чем была Аманита, – у той волосы отливали золотистым, будто спелая рожь.

– Ты спрашивал, почему я хотел уехать из своей земли, – проговорил Глориндель. – Ну вот, теперь знаешь. Из-за нее и хотел. Я ведь не думал, что, уехав, встречу тебя... и снова про нее вспомню.

– Как...

– Как это случилось? – переспросил эльф, и Натан кивнул почти с благодарностью – у него не хватило бы сил закончить. – Она была воровкой... красивой, как эльфийка. Нет, в самом деле. Она была даже похожа на эльфийку. Типичный для нас цвет глаз и разрез тоже. Мы ведь и правда с вами похожи. Мы очень похожи – люди и эльфы. Тот бандит, что пытался мне это доказать, верно говорил. Мы похожи тем, что каждый из нас – сам по себе и таков, как есть. Люди есть... хорошие и плохие. Эльфы тоже. Вот взять тебя. Как твое имя полностью звучит? Натаниэль, верно? Тебя по бумажкам небось часто за эльфа принимают. Пока в лицо не увидят. Я знал эльфа с таким именем. Ему все пеняли, что у него в роду наверняка люди были. Аманита была плохим человеком. Но из нее вышла бы хорошая эльфийка. Вот и вся разница.

– За что вы ее...

– Я сказал тебе: она стала бы хорошей эльфийкой. Но предпочла быть дрянным человеком. Проникла в дом моего рода. Очаровала всех и каждого. Забралась в мою постель. Не только в мою, как я потом узнал. Все из-за того, что хотела добраться до нашей семейной реликвии, синего алмаза. Я позволил ей это сделать. Позволил даже покинуть наш дом. Насладиться счастьем обладания и удовольствием от того, что провела этих глупых эльфов. А эльфы не глупцы. Просто среди нас тоже есть дураки, так же как и среди вас. Никакой разницы, помнишь? Я опередил ее, ждал на границе с вашими землями. Лично поймал. И сказал, что воров у нас карают одним способом: отрубая правую руку. Но поскольку она дорога мне, я предложил ей вместо этого лишиться одного глаза. Она выбрала последнее. Надо сказать, я был удивлен. Совсем не по-женски. И так нехарактерно для людей... сказал бы я, если бы верил, что мы разные. Она предпочла быть изуродованной, но по-прежнему умелой разбойницей. Ведь с одним глазом можно воровать почти так же ловко, как с двумя, и уж явно ловчее, чем с одной рукой. Потрясающая женщина. За это, наверное, я ее и... любил.

Натан вдруг обнаружил, что они стоят друг против друга, и кони под ними недоуменно всхрапывают. Он не помнил, когда они остановились, и не знал, как долго простояли. Вокруг не было ни души, но на горизонте, в дымке, еще очень-очень далеко, смутно виднелись очертания городских стен. Столица. Почти добрались.

– Вы ее... не любили. – Он не слышал своего голоса и даже не надеялся, что его услышит эльф. – Вы бы не смогли...

– Почему не любил? Просто иначе, чем ты. Хотя ты же смог стоять и смотреть, как ее вешают? Разница только в том, что мне она отдалась. И делала вид, будто с наслаждением. А мне было не все равно. Я вырезал ей глаз и велел убираться вон. Она ушла, а я вернулся домой с камнем, который она украла. Я хотел бы оставить его ей... чтобы она вставила его себе вместо глаза. Он ведь был таким же синим. Но я должен был вернуть реликвию на место. Вернул. И сказал, что воровка наказана. Но на самом деле наказан был я. Это случилось десять лет назад, но не проходило ни одного дня, чтобы я не вспоминал тот день на границе... и миг, когда она посмотрела на меня... посмотрела своими эльфийскими глазами и позволила мне лишиться себя их. Ее кровь текла по моей руке... такая горячая... Мне казалось тогда, что я лишаю ее девственности. В этом было что-то... что-то настолько *доверчивое*... Это было даже больше, чем отдать невинность. Так мне тогда показалось. Понимаешь? – Эльф слегка улыбнулся. – Конечно, не понимаешь. Но примешь это, верно? Потому что ты в ответе за меня, и мы почти у цели. Там вдалеке уже столица, да?

– Да, – сказал Натан и облизнул пересохшие губы. – Поэтому вы не бросили меня чумного...

– Поэтому. Сначала хотел бросить сразу, бежать... от нее. От любого напоминания о ней. А потом не смог. Захотел узнать от тебя, что с ней случилось. Она еще целых восемь лет прожила... видишь как... и не отступила от того, что всегда хотела делать. Удивительная она была...

– И очень красивая, – хрипло сказал Натан.

– И очень красивая, – согласился эльф и снова улыбнулся. – Ты хотел бы, чтобы она была твоей женщиной. Но ты был ее другом... она тебе так говорила. Да? Может быть, сказала однажды, сбрасывая твою руку со своей груди: «Натан, мы же друзья». И ты со временем заставил себя поверить в это. Что вы друзья. Хорошие близкие друзья. Да только бабы дружат совсем иначе, чем мужчины, Нат. Она сдала всю твою команду с потрохами, хотя они, без сомнения, тоже были ее хорошими близкими друзьями. А ты потом стоял за плечом своего лорда и смотрел, как твою одноглазую зазную вздергивают на виселице. И думал: так тебе, сука. Так тебе. За то, что мне не дала. А? Что, скажешь, не так было?.. И ее рыжие волосы развевались по ветру...

Рука Натана сжалась на рукояти меча.

– Еще одно слово, и я...

– Это же правда, Нат, – мягко сказал эльф. – Я сказал тебе всю правду и поэтому могу говорить ее и *о тебе* тоже. Разве нет?

Нет... нет, потому что вы мне не друг, только друзьям позволено бить так больно, перестаньте... Натан хотел это сказать, но знал, что не сможет.

Эльф еще какое-то время смотрел на него с понимающей, сочувственной улыбкой, потом осторожно, будто извиняясь, хлестнул коня. Натан поехал за ним, думая о том, что услышал... думая об Аманите и чувствуя, что теперь позволит ей уйти. Последние два года он терзался тем, что так и не сказал ей... не остановил тогда казнь... хотя бы просто чтобы *сказать ей*, а это было правильно, и теперь он это понимал. Благодаря сумасшедшему эльфу, который унижал и убивал людей так же просто, как спасал, который вырезал Аманите глаз и наслаждался, чувствуя, как ее кровь течет по его коже, который любил ее не менее сильно, как Натан, а может, и сильнее. По-своему... не по-эльфийски – просто по-своему, так же, как по-своему ее любил Натан. Они оба ее любили недостаточно и неправильно, и оба за это поплатились.

Лес кончился, и они оказались на перекрестке – только здесь уже не было путевого камня. По расстилавшейся впереди долине тянулись поля и деревушки, а впереди, уже совсем близко, виднелись стены столицы.

Глориндель придержал коня, и Натан даже не удивился этому.

– Нат, дальше я поеду один. Ты должен был сопровождать меня до столицы, но к князю я предпочитаю явиться сам. Тут перекресток – езжай куда хочешь. Я бы на твоём месте к Картеру не возвращался. Будешь ведь думать о ней... как я.

– Уже не буду, – сказал Натан, и эльф покачал головой.

– Я тоже так считал. Часто поступаешь... совсем не так, как полагаешь, что сможешь поступить. – Он умолк на миг, потом вполголоса добавил: – Ты хотел убить меня там, в лесу. Я видел по твоим глазам.

Не убить. Но оставить... одного, привязанным к дереву, истекающим кровью... такая мысль у Натана в самом деле появлялась. Пусть на мгновение – но появлялась. Он вспомнил, что чувствовал тогда, и поежился. Вероятно, ему стоило поступить именно так – и если бы он поддался порыву, сейчас наверняка был бы мертв, но, возможно, так было бы лучше... лучше для всех?

– Не важно, что я тогда хотел, – проговорил он наконец.

– Да. Важно, что ты сделал. А почему – не важно тоже. – Конь под эльфом всхрапнул, и тот снова улыбнулся, вскинул подбородок. – Ладно, пора мне. Передай своему хозяину, что я остался тобой доволен. Спасибо и прощай.

Он двинулся с места, стал отдаляться. Но потом вдруг, отъехав совсем недалеко, вернулся – и Натан понял, что ждал этого.

«Оказывается, я успел его изучить», – подумал он и ничего не почувствовал при этой мысли.

– Не могу! – смеясь, выдохнул Глориндель. – Спрошу все-таки! Ты говорил, что тебя что-то заставило уйти из твоей банды. Что, а? Скажи!

Натан смотрел в лицо эльфа, ловя себя на том, что пытается запомнить его черты, и молчал. Молчал – потому что поклялся себе, что никогда ни с кем не станет об этом говорить. Потому что есть вещи, призраки которых не стоит вызывать к жизни. Вероятно, только со временем он узнает, касалось ли это и Аманиты тоже... но того, о чем спрашивал Глориндель, уж точно касалось.

Сияющее лицо эльфа слегка помрачнело.

– Я же тебе сказал, – обиженно напомнил он. – Про Аманиту... Я никому и никогда о ней не говорил.

Натан молчал. Эльф подождал немного, потом вздохнул.

– Ну... и не надо. Даже у друзей могут быть маленькие секреты друг от друга.

Он засмеялся, зло и звонко, снова хлестнул коня и снова стал отдаляться – Натан знал, что теперь уже навсегда.

«Все верно, господин Глориндель, – подумал он. – Могут... но мы-то не друзья. И я сказал бы вам, если бы вы стали настаивать, хотя, видят небеса, говорить об этом нельзя. Но вы не стали... может, потому, что знаете об этом? Знаете и принимаете... Даже если не способны понять, как я, не понимая, принимаю вас? И еще я сказал бы вам... сказал бы, что именно это делает людей друзьями. Это – а не спасение жизни и безоговорочная откровенность. Но вы и сами понимаете это, так же, как и я, не правда ли?»

Силуэт всадника исчез, пыль улеглась, а Натан все стоял на перекрестке, еще не зная, по какой из дорог двинется дальше, и сам не чувствовал, что улыбается.

Часть 2

Это был не дождь и даже не ливень – просто мировой океан вдруг очутился на небесах и сейчас низвергался обратно на землю. Рябые ленты воды влетали в распахнутое окно и хлестали по полу. Ковер промок насквозь, по мраморным плитам растеклась лужа.

– Уйди с дороги, – сказала Рослин, и Эллен крепче стиснула подсвечник. Свеча покачнулась, раскаленный воск сполз на кожу. Эллен не шевельнулась.

– Куда это вы собрались, миледи? На ночь глядя, да еще в такую погоду?

Рослин взглянула на нее молча, но с таким презрением, какого не вместила бы и сотня слов. Эллен все так же смотрела на нее, пытаясь скрыть замешательство. Конечно, ее вопрос был глупым – едва войдя в комнату и увидев свою юную госпожу на полпути к выходу, в дорожном платье и плотном плаще, с маленьким узелком в руке, она все поняла. И теперь стояла, загораживая дверь, и воск лился ей на руку, а дождь – в окно.

Рослин постояла еще немного, потом пошла вперед. Эллен смотрела на нее и не знала, что сказать или сделать. Когда девочка поравнялась с ней, Эллен почти бездумно ухватила ее за плечо – и застыла, поймав яростный взгляд черных глаз, метнувшийся в нее снизу вверх.

– Пусти, – сказала дочь калардинского князя, – или я убью тебя.

За стеной громыхнуло, небо на миг посветлело, словно днем. Маленькое лицо Рослин, высветленное молнией, было застывшим и бледным, как воск, упрямо лившийся на руку Эллен.

Эллен знала, что рано или поздно это случится, – может быть, только она одна из всех и знала наверняка, пусть и была всего лишь горничной, в чьи обязанности входило расчесывать княжну. Она только вчера вымыла ей волосы – несмотря на то, что девочка подняла капюшон, Эллен чувствовала, что они все еще пахнут хвойным маслом.

– Я не могу вас отпустить, маленькая госпожа. Вы же знаете.

– Я приказываю тебе.

– Ваш отец не одобрил бы, если бы я подчинилась вашему приказу.

– Ты оглохла, дура, или не поняла, что я убью тебя?

– Убейте, – сказала Эллен и слабо улыбнулась.

Рослин посмотрела на тающую свечу, потом на воск, заливавший руку Эллен уже почти до запястья. И сказала:

– А раз так, пойдем со мной.

Вы дивное и страшное существо, миледи, но вы еще такой ребенок, подумала Эллен. И порой наивны, как пристало ребенку. Может быть, именно поэтому я все еще не сбежала отсюда, как все мои предшественницы.

– Вы сразу хотели меня об этом попросить, – сказала она. – Вы, может быть, и зайти ко мне в комнату собирались перед побегом...

Рослин метнула в нее еще один взгляд, в котором на сей раз было больше обиды, чем ярости.

– Ты ведь не можешь бросить меня, так?

– Но и сопровождать вас не обязана, маленькая госпожа. Я не ваша няня и не кормилица. Я всего лишь горничная.

– Кто-то должен расчесывать мне волосы в дороге.

– Нам вдвоем не унести все ваши гребни.

– Вполне достаточно одного. Я его уже взяла.

Эллен, улыбаясь, покачала головой. За окном снова громыхнуло.

– Простите, миледи, вы останетесь. И я буду расчесывать ваши чудесные волосы всеми вашими гребнями, как прежде.

– Тогда я скажу отцу. Про тебя и Рассела.

Это было как удар под дых: Элен коротко выдохнула, разжала пальцы. Подсвечник, тяжело переворачиваясь, полетел на пол. Свеча упала в лужу, фитиль, зашипев, погас, и они остались в темноте.

Рослин не двигалась, Элен тоже. Кто-то из них громко и прерывисто дышал.

– Вы...

– Пойдем со мной. – Маленькие холодные пальцы взяли ее за ладонь, липкую от воска. – Пойдем отсюда, я же знаю, ты не меньше меня этого хочешь. А я тебе потом расскажу...

Рослин умолкла. Очередной сполох молнии озарил ее сосредоточенное лицо.

– Я... должна зайти к себе. Взять что-нибудь из еды... и денег...

– Только быстро. Пока гроза не стихла. Они не ждут, что я уйду в такую ночь.

Я тоже не ждала, миледи, подумала Элен. Знала, что вы уйдете рано или поздно... и, наверное, знала, что уйду с вами, но не ждала. Не так скоро.

Выйти из замка оказалось совсем легко – внимание стражей было обращено туда, откуда кто-то мог попытаться проникнуть в замок под покровом бури, а не покинуть его. Рослин знала потайной ход, выведивший за пределы крепостных стен. Они вышли через него к реке, почерневшей от неослабевающего дождя, и побрели вдоль берега. Их никто не видел, а если бы и видели, то вряд ли за плотной завесой воды признали бы в них двух женщин, одна из которых – княжеская дочь. Стихия всех делает одинаковыми – что с виду, что внутри.

Было холодно, как зимой, дождь колотил по спинам не хуже палок, конечности цепенели на ветру. Рослин крепко стискивала руку своей сообщницы, и Элен не знала, от холода это или от чего еще. Они прошли не меньше мили до леса, не сказав друг другу ни слова. В лесу лило ненамного меньше, но обе вздохнули с облегчением, оказавшись под обманчивой защитой древесных крон.

– Там дорога, – хрипло сказала Элен и закашлялась от попавшей в рот воды. – А значит, и трактир. Сегодня вас еще никто не хватится. Можно обогреться, а завтра утром...

Рослин не ответила, только крепче стиснула ее руку.

До трактира они шли еще не меньше получаса, а потом долго стучали в наглухо запертые ворота. Когда Элен уже начала думать, что им вовсе не откроют, изнутри загремела отодвигаемая щеколда смотрового окошка.

– Кто там? – перекрывая дождь, сварливо закричал мужской голос.

– Пустите... меня с дочкой... не дайте пропасть! – как могла жалобнее ответила Элен; впрочем, ей почти не пришлось наигрывать.

Калитка сразу же распахнулась. Элен хотела шагнуть и поняла, что не может. Она взглянула вниз и увидела, что Рослин прилипла к ее ноге, будто груздь к стволу, намертво вцепившись обеими руками и зарывшись лицом в складки ее плаща.

Трактирщик, встретивший их так нелюбезно, всплеснул руками, забыв, что придерживал над головой дождевик.

– Что ж вы, болезные сударыни! Проходите скорее!

Внутри их немедленно окружили заботой и лаской – а когда увидели, что вымазанное в грязи платье женщин не из самой дешевой ткани, утроили любезности. Элен сразу же увела Рослин наверх, сославшись на слабость и усталость дочери. Элен на глазах ахающей хозяйки раздела девочку, стала растирать ее побелевшие руки и ноги. Получив грудку одеял, горячее питье и обещание не беспокоить до утра, Элен расплатилась и закрыла дверь.

Рослин, до этого казавшаяся умирающей, мигом изменилась в лице, откинула одеяло, вскочила, босиком кинулась в угол комнаты, куда Элен положила ее узелок, встала на колени.

Эллен отвернулась. Сняла платье, повесила на стол рядом с платьем Рослин. Ливень все шумел за окном, но здесь было тепло и сухо, не считая воды, стекающей с потяжелевшей одежды. Эллен взяла одно из одеял и промокнула волосы.

В угол, где беззвучно сидела Рослин, она старалась не смотреть. Однако, услышав облегченный вздох, не сумела сдержать дрожи.

Было лишь немного за полночь. На столе, рядом с развешенной одеждой, слабо трепетал огонек свечи. Эллен посмотрела на свою правую руку. Кожа покраснела, но она, как и прежде, не ощущала боли.

– Возьми.

Эллен опустила взгляд. Ладонь Рослин была сухая и гладкая. На этой ладони, протянутой к Эллен, лежала щепотка измельченной травы.

– Не надо, миледи.

– Съешь.

– Мне не больно... вы же знаете.

– Я не о том, дура. Не хватало мне, чтобы ты теперь от простуды померла. Ну, бери. Только не глотай сразу, прожуй сперва.

Эллен, поколебавшись, приняла предлагаемое. Поднесла к лицу, понюхала. Трава не пахла. Совсем. Хотелось спросить, на чьей могиле она выросла... и как умерло существо, похороненное в той могиле, но Эллен знала, что таких вопросов маленькой госпоже лучше не задавать. Она сунула траву в рот и прожевала. Вкус у зелья в отличие от запаха был резкий и горький, как и должен быть у травы.

Потом обернулась и увидела, что Рослин уже сидит в постели в одной рубашке и смотрит на нее – огромными глазами, настороженными и злыми, как у дикой кошки. В полумраке казалось, что у нее нет зрачков.

– Расчеши меня на ночь, – сказала Рослин.

Эллен с трудом поднялась – оказывается, ее тело, непривычное к такому напряжению, успело устать, – достала черепаховый гребень, который использовала чаще всего, взяла мокрые спутанные волосы Рослин в руку. На свету белокурые, сейчас они казались серыми, как сырая земля.

– Трактирщик наверняка нас опознает, когда начнутся поиски, – проговорила Эллен.

– Мы к тому времени уже будем далеко.

– Ваш отец пошлет погоню.

– Пусть. Он никогда не догадается, куда я отправилась.

«А куда вы... куда *мы* отправляемся, миледи?» – подумала Рослин, но знала, что для таких вопросов еще не время.

Для этих... и многих других.

– Я была права, – сказала Рослин, глядя вперед. – Ты нужна мне.

И, помолчав, добавила:

– Я никогда не смогу сама расчесывать себе волосы.

Они встали с рассветом, тихонько спустились вниз. В трактире еще все спали. Буря давно стихла, но за воротами творилось светопреставление – дорогу размыло, несколько деревьев вырвало с корнем, мутные ручьи потоками текли вниз там, где еще вчера был утоптаный глинистый тракт.

– Хорошо. – В голосе Рослин звучало глубокое удовлетворение. – Я знаю отца, он сразу снарядит за нами конницу да половину гарнизона. Здесь они долго будут продираться. Это еще при условии, что догадаются пойти в нужную сторону.

– Это куда? – наконец спросила Эллен, решив, что пора узнать о планах маленькой госпожи.

– На север, – сказала Рослин и, подобрав юбки, решительным шагом двинулась вверх по грязному месиву, в которое превратилась дорога. Лучи еще не поднявшегося над лесом солнца золотили ее волосы.

Эллен несколько мгновений стояла посреди размытого тракта, недоумевающе глядя вслед княжне, волочившей подол по земле, потом быстро нагнала ее.

– Но, миледи... вы ничего не перепутали? На север? Там ведь Тальвард.

Рослин остановилась.

Обернулась.

У нее была очень бледная и очень сухая кожа – верный предвестник ранних морщин, – но в остальном ее лицо было безупречным. Мелкие, но не слишком, правильные черты, маленький мягкий рот с красиво очерченными алыми губами, большие глаза черничного цвета. Очень красивая и очень злая девочка: это было первое, что приходило на ум всякому, на кого она смотрела вот так, прямо в лицо, – красивая и *очень* злая.

– Ну да, – сказала она, не отрывая от своей служанки пытливого, недоброго взгляда. – Тальвард.

Эллен схватила ее за плечо. Движение получилось грубым, но она была этому даже рада – еще не начав говорить, она уже молила небеса о том, чтобы они дали ей решимости и силы.

– Миледи, что вы говорите! Я не ослышалась? Вы действительно хотите бежать в Тальвард?!

– Верно, ты еще не оглохла, – кивнула Рослин и ухмыльнулась – нехорошо, не по-детски.

– Вы в своем уме?! – закричала Эллен. – Вы же погибнете, не пройдя и десяти миль! И даже если каким-то чудом дойдете – вы хоть понимаете, что вас ждет в Тальварде?!

– Понимаю. Сила, власть и знание. То, чего мне до скончания веков не получить здесь.

– Нет уж! – выпалила Эллен, крепче стискивая плечи своей госпожи, впрочем, даже не пытавшейся вырваться и все так же пытливо смотревшей на нее. – Мы немедленно возвращаемся. Сию минуту. Тальвард! Подумать только!

– Что ты раскудахталась, дура, – жестко сказала Рослин. – Тебе ли не все равно, куда я пойду? Меня где угодно могут убить. Даже в стенах этого проклятого замка. Но научат только там. Ты сама это знаешь. Ты же читала со мной все те книги.

Эллен перехватила маленькую холодную руку Рослин и, развернувшись лицом к югу, туда, откуда они полночи брели сквозь грозу, решительно поволокла ее за собой. Рослин не стала упираться – покорно прошла за Эллен с десятков шагов, низко опустив голову и разглядывая грязь на юбке, а потом сказала:

– Тогда я скажу отцу. Про тебя и Рассела.

Это звучало точь-в-точь как прошлой ночью – не только слова были теми же, но и интонация, и чувство, которое охватило Эллен при них.

Она остановилась, уже зная, что битва проиграна. Дорога в этом месте шла под уклон и чуть дальше загибалась вправо – а оттуда, она знала, уже был бы виден замок.

Но битва проиграна, и что уж говорить...

– Это безумие, – слабо сказала Эллен. – Мы должны вернуться.

Рослин вдруг вырвала свою руку из ее и круто развернулась, скользя в грязи.

– Слушай, ты! Пошла уже со мной – так что теперь! А ты думала, куда я иду? А? На прогулочку, что ли? Только там они научат меня! Только там и только они!

– Чему вас учить? – еле слышно проговорила Эллен. – Чему, вы и так уже все умеете?

– Не все. Ты еще глупее, чем я полагала, если так думаешь. Я даже десятой части нужного не знаю. И если не узнаю теперь, не узнаю никогда.

Эллен села на землю, по запястьям погрузив руки в коричневую жижу. Покачала головой, потом еще и еще раз. И разрыдалась.

Маленькая, сухая, холодная ладошка легла ей на щеку, отвела спутанные волосы. Обычно звонкий детский голос звучал приглушенно, почти сдавленно:

– Брось, Эллен. Я же знаю, ты сама рада уехать отсюда.

– Рада, – всхлипнула она. – Рада.

Рослин снова погладила ее по щеке, коротко и сурово, как высокородная мать, выдающая нелюбимой дочери дежурную порцию ласки.

– Идем, – сказала она.

– Вы хоть понимаете, что делаете? – прошептала Эллен, не поднимая головы. – А как же ваш брак? Ваш брак с эльфийским принцем? Теперь Калардин обречен...

Рослин ответила не сразу, и на миг Эллен охватила уверенность, что ей удалось убедить свою госпожу. И она сама не понимала, что в ней вызвала эта уверенность – радость или отчаяние.

Но потом Рослин ответила – так, что вынудила Эллен изумленно вскинуть голову:

– Я вернусь. Для этого брака. Я... вернусь. Я потому и убегаю сейчас, чтобы позже быть... хорошей женой.

Она посмотрела Эллен в глаза – со строгостью, порой казавшейся почти умильной в ее детском личике.

– Идем же. У нас мало времени.

Эллен поднялась – сама, хотя ее шатало, будто во хмелю. Рослин взяла ее за руку, не брезгуя тем, что та была вся в грязи.

Они шли молча не менее получаса, прежде чем Эллен спросила:

– Что вы знаете обо мне и вашем брате, миледи?

Рослин шагала, опустив голову, и Эллен не видела ее лица, но услышала улыбку в ее голосе, когда она ответила:

– Все, Эллен. Все.

Больше они об этом не говорили.

– Хочешь, погадаем на суженого?

Вопрос застал Эллен врасплох. Она вскинула голову от шитья (за неделю скитаний плащ княжны порядком прохудился), взглянула на девочку, невозмутимо смотревшую на нее с противоположной стороны стола. В пальцах Рослин вертела маленькое зеркало в медной оправе, которое выпросила у бродячего торговца – а точнее, у Эллен, и та не смогла отказать: во-первых, денег у них пока было достаточно, а во-вторых, взгляд Рослин не допускал возражений. Она умела так смотреть, что язык прилипал к гортани от одного только намерения спорить.

– Хочешь? – повторила Рослин и пустила солнечного зайчика по столу. Желтое пятнышко дернулось, подскочило к пальцам Эллен. Та невольно подалась назад, убирая руки со стола.

– Надо ведь в полнолуние, – сказала она. – Ночью...

– Глупости, – нетерпеливо перебила Рослин. – Одни дуры в полнолуние ночью гадают, да все равно неправильно – а я знаю, как надо, я могу и днем. Ну, давай?

Они сидели в этой гостинице уже третий день, и Рослин скучала. Дальше дорога была закрыта – в этой части Калардина недавняя буря нанесла еще больший урон, чем в столичной округе, и завалы до сих пор не разобрали. Денег, которые взяла с собой Эллен, хватило, чтобы хозяин гостиницы, до того чуть не погнавший похожих на нищенок женщин со двора, расшаркался и отыскал свободную комнату. Дорогу должны были расчистить самое позднее к завтрашнему вечеру – это было поручено солдатам короля, собиравшегося вскоре продвинуть этим путем часть своей армии. Вряд ли кто-то из них знал свою княжну в лицо, но рисковать все же не стоило. Они отсиживались в комнате, никого к себе не пуская, – только Эллен время от времени выходила за едой и новостями.

Изо дня в день Рослин становилась все раздражительнее, но глупостей не выкидывала. Эллен даже жалела об этом: если бы сейчас их настигла погоня, она бы... что – она бы? Она была бы немедля казнена за похищение княжеской дочери – никто не стал бы вникать в детали произошедшего. Впрочем, как знать – может, это был бы не самый худший исход дела. Потому что там, куда они направляются, ее ждет не лучшая участь.

– Нет у меня суженого, – легко улыбнувшись, сказала Эллен.

– У всех есть. Ты можешь с ним не соединиться, но он есть. Ты уже встречала его или еще встретишь.

– Он умер.

Рослин послала солнечный зайчик ей прямо в лицо. Отраженный луч сверкнул в глубине зеркала слепящим белым сполохом. Эллен вскинула руку, защищая глаза.

– Пока ты жива, где-то есть твой суженый, – равнодушно сказала Рослин, не меняя угол наклона зеркальца. – Не один, так другой. Погадаем? Или ты боишься? Брось ты уже эти тряпки, смотреть на них не могу.

– Ну хорошо, – сдалась Эллен. – Если вам так хочется.

– Мне хочется, – без улыбки сказала Рослин, и Эллен тоже расхотелось улыбаться. Маленькая госпожа умела говорить так – коротко и сухо, не капризно, не требовательно, но при этом абсолютно ясно давая понять, что ей нужно и чего она любой ценой добьется. Леди Рослин было одиннадцать лет, но это она умела лучше многих взрослых – добиваться.

Это и не только это.

По приказу Рослин Эллен закрыла ставни и заткнула щель между ними одеялом. В комнате стало сумрачно, как поздним вечером. Рослин сунула в рот щепотку сушеной травы из своего узелка, не глядя протянула Эллен, потом положила зеркало на стол, наклонилась над ним, осторожно подула на стекло.

– Теперь ты, – коротко сказала она. Эллен в который раз подумала, что у нее совсем не детский голос. То есть тембр, конечно, такой, как и должен быть у одиннадцатилетней девочки, но интонация... и непреодолимая сила, которой очень трудно противиться. В полумраке Рослин, сгорбившаяся, навалившаяся с локтями на стол, казалась молодой карлицей.

«И ведьмой», – мысленно закончила Эллен и слизнула с ладони траву, а потом, уперевшись ладонями в столешницу, дунула на тускло блестящее стекло.

Рослин нарисовала ногтем пентаграмму на стекле, тихонько и неразборчиво напевая про себя. Потом бросила на стекло щепотку сушеной травы – Эллен не видела в темноте, но знала, что это не та трава, которую они обе только что съели.

– Суженый мой, ряженный, мне судьбой назначенный, светлый лик яви пред мои ясны очи, – сказала Рослин, и Эллен ясно услышала в ее голосе насмешку. «Как же можно, – с невольным упреком подумала она. – Ведь не подействует...» Завершить мысль она не успела, потому что стекло вдруг вспыхнуло – точно так же, как несколько минут назад, резко, бело. Эллен невольно вскинула голову, думая, что тряпка выпала из щели и свет прорвался внутрь.

– Смотри, – сказала Рослин, и она увидела, хотя сначала подумала, что бредит.

Там были двое мужчин. Оба конные; они ехали рядом, а вокруг них шумела листва – Эллен знала, что она шумит, хотя зеркало не могло отображать звук, – но она видела движение мельчайшего листочка на самой крохотной ветке. Ее зрение вдруг обострилось, мучительно заболели глаза – хотелось зажмуриться, но она не стала и подалась вперед, стараясь рассмотреть получше.

Один мужчина был молодой, белокурый, с неестественно красивым, будто ловко нарисованным лицом. Он что-то говорил, нагло и самоуверенно улыбаясь. Его спутник, крепкий, коротко стриженный человек с твердыми крупными чертами, слушал молча, глядя прямо перед собой. Было видно, что ни болтовня собеседника, ни сам собеседник ему неприятны. Белокурый красавец что-то говорил и зло смеялся, а хмурый человек все так же смотрел в

сторону, только что-то менялось в его глазах. Что в них было – и чем стало, Эллиен не успела понять. Рослин вдруг дунула на стекло, свет тут же померк, картинка смазалась и медленно угасла.

– Хватит, – сказала Рослин и засмеялась – невесело и как-то деревянно. – С тебя довольно. А то с непривычки...

– Что – с непривычки?

Глаза княжны блеснули.

– Ну вот. Надо же, они вместе, – не ответив на вопрос, сказала она.

– Кто?

– Наши суженые. Твой и мой. Ты что, не видела?

– Я... – Эллиен сглотнула, смачивая горло слюной. – Я не... знаю. Почему вы думаете...

– Ну да это ведь был лорд Глориндель, – нетерпеливо сказала Рослин. – Этот эльф. Я его уже видела раньше. Я все время его вижу. Знала его в лицо еще до того, как увидела на портрете. Хороший портрет... честный. Только слишком большой, чтобы я могла взять его с собой. Впрочем, мне он и не нужен, пока у меня есть зеркальце.

– Это был ваш жених?! – И ведь в самом деле – не зря белокурый оказался ей неестественно красивым. Не человеческой, а эльфийской красотой.

– А ты думала, твой? – насмешливо сказала Рослин. – Даже не мечтай, милая. Глориндель мой. Он даже сам не знает... насколько.

– А другой... кто он?

– Почему я знаю? Может, его слуга, может, случайный попугачик... Не очень-то хорош, право, но для тебя – в самый раз.

Эллиен провела языком по спекшимся губам. Попыталась вспомнить взгляд мужчины, которого маленькая госпожа прочила ей в суженые. Понять, что было в нем... что стало в нем появляться, прежде чем он исчез. Облизнула губы еще раз. Во рту жгло горечью.

– Давайте еще посмотрим, – попросила она и даже не успела удивиться собственному желанию – Рослин опередила ее коротким и жестким:

– Нет.

И как всегда, с ней... не то чтобы не было смысла – не достало смелости спорить. Они посидели в темноте, молча, каждая думая о своем. Потом Эллиен сказала:

– Глупости это. Нет у меня... другого суженого.

– Может, у эльфов принято выдавать жениных служанок за своих слуг, – сказала Рослин, и это снова звучало будто издевка.

– Я не выйду замуж, – сказала Эллиен. – Никогда не выйду, вы же знаете.

– Знаю и думаю, что ты все же дура.

– А вы слишком умны для ваших лет, маленькая госпожа.

Она нарочно так сказала, зная, в какую ярость всегда приводит Рослин упоминание о ее возрасте. Вот и сейчас – княжна вскочила, что-то зашуршало в темноте – кажется, сухая трава посыпалась на пол.

– Не смей так говорить! Никогда!

– Не буду, – смиренно сказала Эллиен, и в следующий миг ее голова дернулась набок, а губы ожгло болью. Вероятно, Рослин целила по щеке, но в темноте промахнулась – хоть она и была бесовским созданием, однако тело ее оставалось телом человека, и в темноте она видела не лучше Эллиен. А та любила такие минуты – была Рослин всегда сжатым кулаком, прямо, без замаха, в слепой яростной обиде, как обычный, нормальный, *настоящий* ребенок.

Эллиен потрогала пальцами губы, улыбаясь. Да, то, что она сказала, глупо и жестоко – все равно что высмеивать малый рост карлицы. Она ведь не виновата, что такой родилась. И не виновата, что люди над ней насмеются. Но только и люди ведь не виноваты тоже, правда? Они просто глупые... а вы, миледи, умны не по годам.

– Почему вы бежите от него?

– Я от него не бегу, – раздраженно бросила Рослин; впрочем, она всегда быстро отходила.

– Но ведь он едет к вам. Он, должно быть, уже теперь в столице. И думает, что вы не хотите его.

– Мне все равно, что он думает. Так же как ему все равно, что думаю я.

– Вы уже любите его? – почему-то спросила Эллен и обругала себя за непроходимую глупость, но Рослин вдруг ответила:

– Да. Очень. – И добавила: – Он мне нужен.

«Зачем?» – подумала Эллен и прикрыла глаза. Нельзя спрашивать. Нельзя. Во рту все еще был привкус горечи, губы саднило.

– Он... он ведь мой суженый. Его не остановит то, что я пропала. Он отыщет меня. А я к тому времени уже научусь всему, чему должна... и смогу использовать его как следует. Он найдет меня и... спасет. Разве так не положено?

– От кого спасет, миледи? – спросила Эллен.

Рослин сказала:

– Отопри уже ставни. Душно.

Солнечный свет показался неожиданно блеклым и мутным, с чуть заметным розоватым отливом, хотя день едва только перевалил через половину. Эллен поморгала, держась за ставни. Ее ноги вдруг отчего-то сделались слабыми, будто ватными.

Потом она повернулась к столу и увидела Рослин. Та снова сидела за столом, положив подбородок на сцепленные пальцы, и смотрела на зеркало. Эллен тоже посмотрела на него. И смотрела очень долго.

– Я не слышала, как оно треснуло, – наконец проговорила она.

Рослин смахнула разбитую стекляшку на пол и равнодушно сказала:

– Я тоже. Поди узнай, как движутся работы. Я не могу больше здесь оставаться. А заодно принеси мне клубники.

Глэйв встретился им на третьей неделе пути. К тому времени они продвинулись гораздо дальше, чем можно было предположить, и Эллен успела в полной мере осознать безумие того, что сделала, а также благополучно загнать это осознание туда, откуда оно пришло. У нее не было выбора, она не могла и не хотела оставаться в Калардине. И если леди Рослин из родного дома гнало стремление обрести нечто новое, то Эллен хотела забыть старое. А там – не могла. Правда же не могла. Два года пыталась – но так и не сумела. Впрочем, старая фрейлина Аннара, с которой они порой болтали за шитьем, все качала головой и говорила, что два года – слишком мало. Но сколько же еще, небеса... сколько же можно еще? Эллен так больше не могла. Она там больше не могла.

Хотя были минуты, когда она понимала, что они должны вернуться. Неоднократно – особенно когда они покинули спокойные области и в жарком летнем воздухе повеяло запахом войны. Пока слабо, издали – от северных границ. Эллен была просто женщиной – самой обычной, ее не интересовала война, в последние два года – уже и вовсе не интересовала, и вот теперь пришла пора об этом пожалеть. Рассел говорил ей, что тальвардам никогда не взять Калардин, но Рассел был юн, глуп и тщеславен, она всегда знала это, хотя и любила его – а может, именно за это и любила. Его юность, глупость и тщеславие сделали то, что сделали, с ними обоими, и она уже давно перестала его за это ненавидеть. А теперь, кажется, начинала снова – потому что, когда они с Рослин вышли на вершину холма и увидели горящие села и выжженные поля, простиравшиеся под их ногами, Эллен подумала: «Если бы ты был жив, я не оказалась бы здесь».

– Пахнет паленой плотью, – сказала Рослин. Она смотрела вниз, жадно, как девочки ее лет смотрят на нарядных дам или парад рыцарей. Ее цепкие холодные пальчики крепко сжимали ладонь Эллен. Это успело стать привычным.

– Мы не можем идти туда, миледи, – сказала Эллен.

– Но там Тальвард! Может, уже за этой долиной!

– Женщинам опасно туда идти.

– Может, переоденемся в мужчин? – раздраженно сказала Рослин. Эллен промолчала. Она-то понимала, что там, внизу, грозит женщине – из того, что не грозило бы мужчине, но не собиралась говорить об этом. Леди Рослин во многом была еще совсем дитя. К сожалению, не в том, за что взрослые любят детей, а в том, за что ими тяготятся.

– Давайте обойдем, – сказала Эллен. Черный дым стелился по земле, а над ним плыли низкие серые облака. Следов битвы нигде не было видно, но справа целое поселение полыхало, как единый факел. «А ведь я могла бы пройти там, – вдруг со странным спокойствием подумала Эллен. – Сквозь огонь. Тальварды оттуда наверняка уже ушли. Я прошла бы». Она перевела взгляд на девочку, обводившую долину мутным взглядом. И внезапно поняла, что мгновение назад почти всерьез думала о том, как пробраться в Тальвард – так, будто хотела этого сама.

Хотела, в ярости подумала она. Хотела, всегда хотела! С самого начала хотела! И если сейчас бросить девчонку... оставить здесь, а самой туда... можно... в самом деле... достать мужскую одежду и... пойти туда, через огонь...

К тебе.

Рослин вздрогнула, тихонько шевельнулась, настороженно глядя на Эллен. Та мгновение не понимала, что случилось, а потом увидела, что стискивает руку девочки изо всех сил.

Она ослабила хватку и улыбнулась, глядя в пристальные черные глаза.

– Пойдемте, маленькая госпожа. Обходной путь неблизок.

Обходной путь в самом деле оказался неблизок – и ненамного безопаснее прямой дороги. Здесь еще не было тальвардов, но уже виднелись следы войны. Солдаты на дорогах, обозы беженцев, покинутые села, пустеющие трактиры, брошенная истощавшая скотина, жалобно и страшно воющая посреди выжженных полей. На женщину и девочку, жавшихся по обочинам и пробиравшихся в направлении, которым шли только воины, смотрели с недоумением, иногда с подозрением, но никто их не останавливал. Может быть, принимали за сумасшедших – и отчасти были правы, а может, и не только отчасти.

На второй день случилось то, чего Эллен ждала с самого начала пути, то, что всегда случается с женщинами, беспечно путешествующими по дорогам в беспокойное время.

Это произошло ближе к вечеру на дороге из Элвитона в Паргг – раньше это была главная дорога, соединявшая Калардин с соседними странами. Эллен надеялась, что по ней можно будет выйти на распутья, ведущие к обходному пути в Тальвард. Сейчас эта дорога была заброшена, ею никто не пользовался – все местное население давно перебралось в глубь княжества. Эллен и Рослин шли по самой середине тракта, по утрамбованной полосе между заболотившимися колеями. Местность была холмистая, дорога то и дело виляла, сворачивала то вправо, то влево, загибалась под немыслимыми углами. Предугадать, что находится за следующим поворотом, было невозможно. Поэтому когда они в очередной раз обогнули подножие небольшого возвышения, то оказались прямо перед тем человеком.

Он стоял на коленях возле тела, лежащего в пыли лицом вниз, и стаскивал с него сапоги. Сапоги были очень хорошие, из добротной кожи, с толстой подошвой, еще лоснящейся от недавно нанесенного масла. Рядом валялась разодранная куртка, усыпанная мятыми свитками. Видимо, мертвый мужчина был скороходом.

Человек, убивший его, зло и грубо ругался себе под нос, видимо, раздраженный тем, что при его жертве оказались не деньги, а какие-то никчемные бумажки. Окровавленный нож валялся чуть поодаль, слева от трупа.

Эллен встала как вкопанная, чувствуя, как все эти мелочи грубо, болезненно врезаются в ее мозг и память. Ей хватило мгновения, чтобы понять, что будет дальше. Рослин тоже остановилась, глядя на труп с любопытством. Убийца возился с сапогами своей жертвы и, кажется, не заметил двух женщин, застывших в пяти шагах от него. Эллен стиснула руку Рослин и так тихо, как только могла, шагнула назад.

Ни одна из них не издала ни звука, но стоило им шевельнуться, как убийца поднял голову.

На молодом лице, от висков до подбородка заросшем жесткой черной щетиной, ярко блестели большие, очень красивые глаза пронзительного изумрудного цвета. Эллен будто к месту пригвоздило этим взглядом. Оторопев от ужаса, она схватила Рослин за плечи и рывком притянула к себе, вжимая ее лицо в свою грудь.

Мужчина поднялся, отряхнул пыль с колен, не отрывая взгляда от женщин. По его лицу поползла извилистая ухмылка.

– О-па, – проговорил он хриплым, надсадным голосом. – Да не мерещится ли мне? Какие красавицы... А охрана ваша где?

– Дайте нам пройти, – сказала Эллен, зная, что он не даст. Ее сердце тяжело и гулко билось под вдавливающимся в грудь лбом Рослин.

– Ну еще чего, – усмехнулся мужчина. – Нынче в этих местах бабу вовсе не сыскать. Одна солдатня, даже и ограбить-то толком некого.

Он говорил почти жалобно, в то же время шаря по телу Эллен жадным взглядом. Она чувствовала, как каменеет под этим взглядом, но знала, что пытаться бежать бесполезно. Ее мечущийся взгляд упал на валяющийся в грязи нож. Мужчина заметил это, ухмыльнулся шире, поднял оружие с земли, стряхнул с него кровь.

– Хорошая мысль, красавица моя, – сказал он и пошел к ним.

Эллен знала, что надо хотя бы отпрыгнуть, но не могла – ноги вросли в землю. Руки Рослин судорожно стискивали ее юбку, тянули за складки вниз, будто пытаясь сорвать. А этот срывать не станет, отрешенно подумала Эллен, он просто разрежет. Или вовсе задерет.

– Не при дочке, – непослушными губами сказала она. – Только не при дочке, добрый господин... пожалуйста... Она маленькая... еще...

Мужчина остановился в полушаге от нее, взглянул на закрытый капюшоном затылок Рослин. Протянул руку, взял девочку за плечо. Развернул к себе.

Долго, долго смотрел ей в лицо, и его улыбка становилась то растерянной, то злобной, то еще более похотливой.

– Сколько лет тебе, малышка? – наконец спросил он.

– Десять, – быстро ответила Эллен.

– Заткнись, шалава, я девочку спрашиваю.

– Мне одиннадцать, – спокойно сказала Рослин.

– Одиннадцать, – пожевав губы, повторил убийца и поудобнее перехватил нож. – Да, пожалуй, маловата еще. И титек-то небось нет, а? А вот мамаша твоя, похоже, природой не обижена. Хотя мордашкой ты явно не в нее уродилась. Ну да ладно. Пошла прочь.

И по-прежнему глядя на Эллен, убийца ударил княжну по лицу – коротко, наотмашь. Рослин рухнула на землю как подкошенная. Убийца несильно пнул ее в спину, велел убираться, и совсем не грубо взял Эллен за плечо. Та смотрела на него, будто сквозь дымку, и вдруг почему-то подумала про человека, которого видела в зеркале рядом с эльфийским принцем.

«Он тоже так делает», – пронеслось в ее голове, прежде чем грубая от мозолей рука сдавила ее горло.

– Не дергайся, – сказал убийца, царапая жесткой щетиной кожу возле ее уха. Эллен смотрела перед собой – на Рослин, которая отползла в сторону, села на траву и неотрывно смотрела на них. Левая часть лица девочки уже начинала заплывать, превращаясь в синяк, из носа текла кровь. Но ее взгляд был настроженным и любопытным, без следа страха.

Мужчина толкнул Эллен на землю, разрезал ее плащ и лиф, навалился сверху, забрался рукой под юбку, стал срывать подвязки. Эллен вцепилась в его плечи; на насильнике была кожаная куртка, и пальцы скользили, не находя опоры. Мужчина дышал ей в лицо, облизывая ее обнаженную грудь взглядом своих поразительно красивых глаз. Когда он сжал ее там, Эллен выгнулась, запрокинув голову и закусив губы от боли, и мужчина, приняв это за проявление удовольствия, желчно засмеялся. Эллен подняла голову, чувствуя, как тупеет от ужаса, и вдруг увидела Рослин.

Та сидела уже ближе, чем прежде, обхватив колени руками, и смотрела на них возбужденно расширившимися глазами. На расстоянии шага от нее валялся брошенный насильником нож – только руку протянуть. Но Рослин не схватила оружие – она сидела, глядя, как убийца с большой дороги насилует ее единственную и самую преданную служанку, и...

«Небеса, тебе же это *нравится!*» – мысленно взывала Эллен и закричала во весь голос, когда насильник ворвался в ее плоть. Она инстинктивно попыталась оттолкнуть мужчину, но тот лишь крепче и сильнее перехватил ее, прижимая к себе еще теснее. От него пахло кровью только что убитого им человека, и Эллен молила небеса, чтобы ее вытошнило прямо на него, но этого не случилось – он продолжал насиловать ее посреди пустынной дороги, а калардинская княжна сидела в траве и смотрела на это ярко блестящими глазами.

Эллен не знала, сколько это длилось, и не сразу поняла, почему закончилось, когда насильник захрипел и навалился на нее всем телом, подумала только – наконец-то. Только когда он вдруг забился и завопил и скатился с нее, дергая руками так, будто надеялся выгнуть локти в обратном естественному направлении, Эллен поняла, что произошло.

– Сука! – орал мужчина, дико выпучивая налившиеся кровью глаза и тщетно пытаясь достать торчащий меж лопаток нож. – Сука! Сука!

Рослин, отойдя в сторону, что-то лихорадочно искала в своем узелке с травами. Убийца, шатаясь и продолжая выкрикивать ругательства, двинулся к ней. Девочка стала пятиться, все еще роясь в мешке. Эллен, приподнявшись на локтях, смотрела на это как во сне. Когда убийца был в шаге от Рослин и уже тянул к ее горлу сведенные судорогой руки, она вдруг вскинула голову и резко бросила что-то ему в лицо. Эллен увидела ленивый танец черных крошек в прозрачном слепополуденном воздухе.

Мужчина снова взвыл, вой быстро перешел в визг. Он вцепился руками в глаза, словно хотел вырвать их из орбит, упал на землю, стал кататься, вереща, как свинья. Рукоятка ножа, торчащая из его спины, билась о выступающие камни.

Наконец он затих. Рослин какое-то время рассматривала его, потом медленно опустилась на колени, стала шарить рукой по земле. И вдруг сказала:

– Сука.

Ровно так, рассудительно сказала. Эллен подумала, что до этого дня она, наверное, никогда не слышала это слово и наверняка не понимает, что оно значит.

– Я весь чернолистник высыпала, – горько сказала Рослин и снова провела ладонью по земле. – Хватило бы щепотки, а я весь высыпала. Что же делать теперь?

Она подняла голову и просительно посмотрела на Эллен, словно надеясь, что та ей поможет.

– Без чернолистника никак нельзя, – с нажимом проговорила Рослин, и Эллен кивнула, сама не зная зачем. Все так же глядя на нее, Рослин опять провела рукой по земле, словно погладила. Потом вдруг всхлипнула. Потом еще раз. И задрожала, забилась в рыданиях, размазывая слезы по опухшему от синяков лицу.

Эллен поднялась, преодолевая режущую боль в теле, подошла к девочке, встала перед ней на колени. Рослин кинулась ей в объятия, вжалась лицом в ее грудь с той же силой, как вжималась, когда Эллен и теперь уже мертвый насильник в первый раз смотрели друг на друга.

Рослин плакала, содрогаясь от рыданий, а Эллен гладила ее по голове, вспоминая, как эта девочка смотрела на нее, пока над ней совершали надругательство.

– Это... – глухо всхлипнула Рослин.

– Что?

– Это... так... гадко!

– Да... я знаю...

– Это гадко! – крикнула она и вдруг вырвалась из рук Эллен. Ее волосы растрепались, глаза горели диким, ведьминским огнем. «Она ненавидит меня, – подумала Эллен. – Она меня сейчас почему-то ненавидит».

Ей вдруг стало стыдно, и она неловко свела края разорванного лифа.

– Перестань! – закричала Рослин, вскакивая; ненависть в ее голосе звучала уже в полную силу. – Перестань притворяться... сука! Тебе нравилось! Это тебе нравилось!

– Миледи...

– Нравилось! Ты то же самое делала и с моим братом! Значит, тебе нравилось! А это гадко! Я не хочу так!

Истерика прошла, и потому эти крики были еще более страшными – от их полной осознанности. Эллен судорожно покачала головой:

– Миледи, вы неверно...

– Я не хочу так! – крикнула Рослин и топнула ногой – совсем по-детски. – Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Она отвернулась и какое-то время стояла, опустив голову и яростно стискивая кулаки. Эллен смотрела в землю, стягивая обеими руками на груди разорванную ткань.

– От тебя больше мороки, чем толку, – наконец сказала Рослин – не оборачиваясь, очень спокойно.

– Я знаю, маленькая госпожа, – отозвалась Эллен. – Я же просто слабая женщина, не воин и не колдунья. Я не говорила, что смогу быть вам полезна. Я умею только расчесывать ваши волосы.

Рослин не ответила. Эллен подождала немного и сказала:

– Мы должны вернуться.

– Нет.

– Должны, – повторила Эллен. – Вы не понимаете, миледи. То, что сегодня случилось... это... повторится. И в другой раз... такой человек может не быть столь... снисходителен... к вашему возрасту.

Язык у нее заплетался, будто отказываясь говорить такие вещи одиннадцатилетней девочке и будто упрямо противясь разуму, не желавшему помнить, как смотрела Рослин на происходящее, и понимать, почему она так смотрела.

– Я думала... миледи, я почему-то думала, что мы сумеем. Что все обойдется. Мы так хорошо шли с вами. Но мы шли по мирной земле. Хотя даже и там на нас могли напасть разбойники... небеса знают что еще. Но чем дальше мы теперь будем идти, тем... – Она задохнулась, не в силах продолжать. Рослин смотрела на нее, и упрямая злость понемногу исчезала из ее взгляда. Эллен приняла это за признак смягчения и мучительно повторила: – Мы должны вернуться.

– Зачем? – резко спросила княжна. – Будешь снова трястись над могилкой моего брата? Зная, что его даже в ней нет? Ну не дура ли ты, Эллен?

Эллен с трудом поднялась, прикрыла грудь одной рукой, шатаясь двинулась к девочке. Та шагнула назад – и Эллен почему-то вспомнила, что при виде идущего к ней убийцы с торчащим из спины ножом она не отступила.

– Мы должны вернуться, – с внезапным напором сказала Эллен. – Должны. Понимаете? Нельзя так больше. Дальше станет только хуже.

– Оставь меня, – сказала Рослин и снова отступила.

Эллен схватила ее за плечо.

– Мы должны...

– Оставь меня! – закричала княжна и, вырвавшись, отскочила в сторону. Эллен покачала головой, чувствуя разливающуюся по истерзанному телу слепую, злобную решимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.